

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

П. П. Бушев

**ПУТЕШЕСТВИЕ ИРАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА
МОХАММЕДА ХОСЕЙН ХАН-БЕКА В МОСКВУ
в 1690—1692 гг.**

В русской и советской исторической литературе русско-иранские отношения конца XVII в. еще недостаточно и слабо освещены. Экономическое и политическое положение Русского и Иранского государств в конце XVII в. было различным. Если феодальный отсталый Иран находился в состоянии прогрессирующего экономического упадка и крайнего ослабления сефевидской государственной системы, то Русское централизованное государство, развиваясь на протяжении всего XVII в., крепло экономически и усиливалось политически, превращаясь в одно из самых могущественных государств Европы.

После успешной ликвидации к 1667 г. опасности польской агрессии на восток московское правительство, заключив в 1686 г. союз с Польшей против Османской империи, начало военную борьбу с последней за выход к берегам Черного моря.

В борьбе против турецкого султана Мехмеда IV (1648—1687) были заинтересованы и западные державы, подвергшиеся в начале 80-х годов XVII в. очередному турецкому нападению, кульминационным пунктом которого была осада Вены в 1683 г. Это привело в 1684 г. к созданию Священной лиги против Турции и Крыма с участием Австрии, Польши, Венеции, папы римского. В 1686 г. к ней примкнула и Россия [11, 208]. Чтобы отвлечь часть турецких и крымских военных сил от западноевропейских границ и от южных границ Польского и Русского государств, папа римский, Австрия, Польша, Швеция и Россия настойчиво, но безуспешно пытались вовлечь в Лигу и Иранское государство, считая его еще достаточно могущественной и сильной империей.

Помимо сложной международной обстановки русско-иранские отношения второй половины XVII в. имели свои трудности, в частности связанные с ликвидацией затянувшегося пограничного конфликта 1647—1662 гг. [12, 24—32], в котором была повинна исключительно иранская сторона. Несмотря на стремление московского правительства устранить возникшее охлаждение, иранское правительство воздерживалось в 1647—1670 гг. от регулярных дипломатических связей с Москвой, направив за эти годы лишь одно посольство Хадеканул Салтана в 1657 г. Из Москвы же за эти годы было отправлено три посольства и шесть гонцов¹.

Едва успели русско-иранские отношения несколько наладиться, как

¹ Посольства: И. Ф. Лобанова-Островского, 1652—1653; Ф. Я. Милославского, 1661—1662; К. Иевлева, 1667. Гонцы: М. Булгаков, 1647; М. Спиридонов, 1650; Н. Прокофьев, 1653; К. Иевлев, 1653; И. Хвастов, 1661; Томас Брени, 1667.

наступило новое резкое ухудшение их в связи с набегами казаков Степана Разина в 1668—1669 гг. на прикаспийские провинции Ирана, возместить ущерб за которые московское правительство отказалось. Это привело к новому разрыву иранским правительством дипломатических связей с Москвой. Русское же правительство, заинтересованное в привлечении Ирана к военной борьбе против Турции, продолжало направлять своих посланников и гонцов в Иран. Так, за 1670—1689 гг. из Ирана в Москву было направлено лишь одно посольство Юсуфа хан-бека в 1671 г. [5, 26—30], тогда как из Москвы в Иран в эти годы выезжали три посланника и 11 гонцов².

Активная роль Русского государства в налаживании дипломатических связей с Ираном была обусловлена его возрастающей мощью и повышенным интересом к Каспийскому морю и Кавказу, тогда как иранское правительство не только воздерживалось от активной внешней политики, но и не спешило с ответом на те посольства, которые направляло к нему Русское государство. Так, иранскому правительству потребовалось 12 лет для того, чтобы решиться отправить своего посла Мохаммеда Хосейн хан-бека в 1690 г. в ответ на последнее русское посольство Чирикова (1678—1679).

Учитывая все эти обстоятельства, московское правительство вряд ли могло питать особые надежды на то, что посольство Мохаммеда Хосейн хан-бека внесет что-либо новое в существующие неопределенные отношения с Москвой, тем более что внутреннее положение Ирана продолжало ухудшаться и ему было не до активизации своей внешней политики, да еще такой, которая вызвала бы осложнение отношений с Османской империей.

Вот почему направление иранским правительством в 1690 г. в Москву многочисленного посольства Мохаммеда Хосейн хан-бека представлял большой интерес для изучения русско-иранских отношений конца XVII в.

Московское правительство, не имея ответа на свои два посольства — Б. Е. Мышецкого и Степана Чирикова, тем не менее в 1680—1683 гг. послало своих гонцов к иранскому шаху с грамотами по разным вопросам, а также с напоминанием, что оно ждет послов от шаха Сулеймана (1666—1694). Поэтому естественно, что московское правительство, получив сведения 20 октября 1689 г. из частных рук³, а потом и официальное донесение 23 января 1690 г. от астраханского воеводы Николая Ивановича Приемкова о приезде весной иранского посла Мохаммеда Хосейн хан-бека [2, 96, 97], приняло необходимые меры к его приему.

Однако юзбаша⁴ Мохаммед Хосейн хан-бек не спешил с выездом в Россию, а иранское правительство, очевидно, его не очень торопило. Он прибыл в Астрахань сухопутным путем через Тарки и Терки лишь 7 августа 1691 г. с посольством из 155 человек. В нем числилось 63 «шаховых дворян» и 40 «посольских людей» [5, 72 об.; 8, 20], а также двое купчин⁵ — Хаджи Мохаммед Юсуф Зелебединов и Хаджи Му-

² Посланники: А. Приклонский, 1671—1672; Б. Е. Мышецкий, 1675—1676; С. К. Чириков, 1678—1679. Гонцы: И. Меньшов, 1670; Ф. Возницын, 1672; К. Христофоров, 1673; Г. Долгов, 1674; Федотьев, 1674; Н. Алексеев, 1676; К. Христофоров, 1676; Н. Лорионов, 1676; Н. Силин, 1682; К. Христофоров, 1683.

³ Русские купцы сообщили, что житель г. Дербента, приехавший в Астрахань, рассказал, что в Дербент прибыл шахский посол, чтобы оттуда следовать в Москву [2, 94].

⁴ Юзбаша — придворный чин при шахском дворе; в армии — сотник.

⁵ Купчина — обычно крупный иранский купец, официально направляемый шахским двором в составе иранского посольства или самостоятельно для проведения коммерческих операций с шахскими товарами в Русском государстве, пользовавшийся

рат-хан Аджидатов со своими людьми (49 человек). Оба они неоднократно бывали в России по торговым делам. Первый из них умер в Астрахани, второй — по дороге в Москву. Первого заменил его сын — Ага Шамси Мирза Юсуфов, а Аджидатова — его сын Ага Керим Мурат-хан [5, 81 об.— 87; 4, 132; 6, 312].

Что представлял собой иранский посол Мохаммед Хосейн хан-бек, описывают в своих донесениях саратовский воевода Нестеров и Иван Юрьев, племянник гонца К. Христофорова. Нестеров доносил, что «посол собою дороден, в словах тих, добронравен...» [4, 27], а Юрьев писал из Саратова в ноябре — декабре 1691 г., что «чином тот посол — бек или князь, честной человек и богатой. Отец его у шаха был боярин, персоны и возрасту изрядного...» [4, 233].

Посольство в Астрахани было встречено с традиционным почетом: для его обслуживания назначили двух приставов весьма высокого ранга (к иранскому послу был прикреплен «рейтарского строя» полковник Григорий Кохановский, к купчинам — стольник князь Максим Заманов) [2, 66; 4, 132].

У астраханских властей сразу же возник спор с послом из-за размера кормовых денег⁶. По существующему положению иранскому послу предлагали кормовые деньги в размере 3 руб. 13 алтын в день и «питье»⁷ натурой. Посол же, как сообщал в Посольский приказ новый астраханский воевода, Петр Иванович Хованский, «кормовых денег себе и шаховым и своим людям не принял... [потому что] того корму с такими многими людьми взять ему мало. И поехал на своем корму» [5, 72об., 73; 8, 20].

Не приняв кормовых денег, посол не отказался от «питья», которое ему и было выдано из расчета на шесть недель: 40 ведер вина простого и ведро вина двойного, «да львовщикам⁸ и птичникам...» семи человекам, очевидно, по взаимной договоренности «дано по их запросу в Астрахани и на дорогу 70 рублев» [5, 73, 73об.].

Иранское посольство находилось в Астрахани месяц и 20 дней. Срок по тем временам для посольства незначительный, так как одна только перегрузка с морских судов на речные шла чрезвычайно медленно. Из этого следует, что в Астрахани разрешение Мохаммеду Хосейн хан-беку на въезд в Москву было получено заранее, так как в противном случае его ожидание заняло бы много месяцев. 27 сентября 1691 г. [5, 72об.; 8, 20] посольство двинулось в путь по Волге к Саратову, куда и прибыло в начале ноября⁹, когда речным путем дальше ехать уже было нельзя, так как Волга замерзла.

В дороге посольство снабжалось всем необходимым, хотя, как сообщал тот же Иван Юрьев, следовавший от Саратова вместе с иранским посольством, «корму посол не берет никакова...» [4, 233].

Возможно, что посол использовал в дороге какие-то продукты, вы-

---

разного рода привилегиями и льготами: беспошлинный ввоз-вывоз, бесплатная перевозка товаров, бесплатное предоставление помещений купчине и его людям, помещений для склада и продажи товаров, зачастую и взятие на полное иждивение всего состава торговой миссии купчины.

⁶ С момента переезда границы иностранное посольство переходило на полное иждивение Русского государства. Продукты и фураж выдавались или натурой, или деньгами, на которые пристав закупал продовольствие.

⁷ Алтын — 3 копейки или 6 денег. Питье — разного рода спиртные напитки: водка, вино, мед и пиво.

⁸ Львовщики — специалисты по уходу за львом и львицей, которых везли в дар царю от шаха.

⁹ Точной даты прибытия посольства в Саратов нет. Из донесения Венюкова, прибывшего из Москвы в Саратов для ускорения продвижения посольства, известно, что посольство находилось к моменту его приезда — 5 января 1692 г. — в этом городе уже восемь недель [4, 13].

везенные им из Ирана. Но, несмотря на это, и по дороге и в Саратове посольство снабжалось не только «питьем», но и продуктами в натуре¹⁰.

В Саратове оно задержалось почти на два месяца из-за отсутствия подвод; лишь к 25 декабря, по специальному распоряжению из Москвы, в Саратов пригнали из Саранска 500 подвод [4, 225]. Задержка посольства обеспокоила Посольский приказ, и указом от 23 декабря 1691 г. был направлен в Саратов подьячий Никифор Венюков — «навстречу персидского посла к Магметь Усейн хан беку» — с распоряжением дорожным приставам Кохановскому и Заманову немедленно выехать с иранским посольством в Москву. Венюков приехал в Саратов 5 января 1692 г., когда подводы из Саранска уже прибыли. Он выехал с посольством 12—13 января¹¹ [4, 12, 28, 30] на 455 подводах, из которых 300 занял посол и первый купчина, а второй купчина со своими людьми погрузился на 155 подвод [4, 28]. На остальных подводах ехали дорожные приставы и конвой.

К этому времени относится донесение Ивана Юрьева. Он писал, что Мохаммед Хосейн хан-бек «призlobливается [на то], что прием и почитание ему везде худо» [4, 253]. Далее Юрьев сообщал, что посол мог быть недоволен также задержкой в Саратове из-за подвод. Продовольствие и «питье» же ему отпускались в натуре. Городские власти Саратова встретили иранское посольство за городом с подобающим почетом. Но послу могло показаться, что его встречало мало народу, так как по зимнему времени организовать массовую встречу гораздо труднее, чем летом. Об уровне требований иранского посла свидетельствует трехдневный спор его в Саратове с местными властями из-за того, чтобы возок для него с женой был обит сукном не лазоревого, а обязательного красного, т. е. «царского» цвета, так как, говорил посол, «прежним послом воски обиваны сукными великими государей...» [4, 25, 27]. И он добился своего. Всего на новую обивку возков было истрчено 156 рублей 21 алтын 4 деньги [4, 27, 30—32]. Сумма по тем временам не малая.

17 января 1692 г. посольство прибыло в Пензу, а 20 выехало в Касимов, куда и прибыло 1 февраля. 7-го того же месяца на 479 подводах оно выехало в Владимир [5, 18, 18об.; 4, 75, 76], где было встречено 13 февраля, по словам воеводы Андрея Гагарина, «за городом с городскими чинами... как было предписано указом из Посольского приказа, полученным им 14 декабря 1691 г.» [4, 90, 93, 94]. Здесь посольство также было обильно снабжено продовольствием и спиртными напитками¹².

Несмотря на это, племянник иранского посла выразил недовольство Венюкову тем, что посла не встретили ни в Нижнем Новгороде, ни во

¹⁰ Так, например, 10 января 1692 г. в Саратове посольству выдали: 15 баранов, 30 кур, 300 яиц, пуд масла коровьего, три четверти муки, два ведра водки анисовой, десять ведер вина простого, пуд меда. В Пензе послу выдали 17—20 января: 20 калачей, четыре барана, 90 штук дичи разной, два ведра водки анисовой, восемь ведер вина простого, шесть ведер меда, десять ведер пива и т. д., помимо денег на кормление львов, на что отпущено в Саратове 51 руб., а в Пензе, куда прибыли 17 января, бык, два барана и 3 руб. деньгами [5, 17 об.—19].

¹¹ Посольство могло выехать 9 января, но посол воздержался от выезда из-за суеверия, «будто для рождения нового месяца, потому что де им месяц молодой не видать, в дорогу ехать невозможно» [4, 29].

¹² Так, воевода Андрей Гагарин 13 февраля отпустил послу: 7 баранов, 2 быка, 59 гусей, уток и кур, 2 пуда масла, 95 четвертей пшеничной муки и т. д., а для «питья»: три ведра анисовой водки, 10 ведер вина простого, 15 ведер пива, 8 ведер меда. Одновременно двум купцам было отпущено: 2 быка, 4 барана, 26 штук дичи, 2 ведра водки, 10 ведер вина простого, 12 ведер пива и 8 ведер меда. Сверх того племяннику посла дано 3 барана, 24 штуки дичи, 3 ведра вина простого, 8 ведер пива и 5 ведер меда [4, 90, 91].

Владимире представители московского правительства, как это делалось якобы прежде, чем «чинитца умаление ему в приеме», тогда как «он послан в великих послех от шаха так же и з делами нужными и с поминки¹³ многими» [4, 91].

Венюков немедленно сообщил об этом в Посольский приказ, который указом 20 февраля 1692 г. распорядился срочно направить во Владимир специального пристава, стольника Ивана Меркульевича Конищева для сопровождения посла до Москвы. Ему было предписано привезти посольство в село Пахорку в 15 верстах от Москвы к 26 февраля. В помощь Конищеву был назначен подьячий Никифор Венюков, а толмачом — Аврам Павлов [4, 106].

Посольский приказ дал Конищеву подробную инструкцию, как вести себя в переговорах с иранским послом и каким образом, выйдя на дворе у посла «из саней среди двора», пойти к послу в хоромы, где произнести «от окольных чрез толмача речь», в которой велено «тебя шахова величества посла Юз Баши Усейн хан Бека о здоровье спросить, здороволь... дорогою ехал... а изговоря речь с ним, корошеваться...»¹⁴, и сообщить, что приехал из Москвы сопровождать его в столицу, куда ехать «не мешкая» [4, 106—108]. Конищев должен был также расспросить посла о том, «не было ль в дороге ему какой скудости...». Если же, говорилось в инструкции, посол будет жаловаться на задержку в пути, разъяснить, что это произошло из-за трудностей собрать такое большое число подвод и т. д. Особенно в инструкции подчеркивалось: «быть ему, Ивану, к послу и к купчинам и ко всем шаховым людям ласкову и приветливу. И береженье к ним держать великое, чтоб послу и шаховым и его посольским людям от русских людей ни от кого безчестия никакого не было и во всем бы им была честь» [4, 109, 110, 112]. Учитывая же прежние факты своеволия и самодурства иранских послов или их людей, Конищеву предписывалось «смотреть и за тем, чтобы «от них бы русским людям потомуж насильства и обид не было б ж и даром бы нигде ничего [они] не имали...» [4, 112]. Конищеву также предписывалось, чтобы он строго следил за изоляцией посольства¹⁵ и вместе с тем чтобы все нужды посольства удовлетворялись по нормам полностью, и даже сверх норм «попросит чего в запрос», т. е. «смотреть накрепко..., чтоб послу ни в чем нузи¹⁶ не было...» [4, 112].

Иван Конищев действовал во Владимире в полном соответствии с инструкцией. Он сообщил послу о своем назначении и о том, что посольство должно было быть под Москвой к 26 февраля. Конищев доложил в Москву, в частности, о том, что посол пил за здоровье сначала великих государей российских, а после того за шаха Сулеймана [4, 112, 184].

Подчеркивание субординации объяснялось тем, что Посольский приказ того времени особенно строго требовал от своих представителей превыше всего «государскую честь оберегать» [14, 304].

23 февраля 1692 г. иранское посольство выехало из Владимира к Москве [4, 185]. Указом 22 февраля въезд посольства из подхожего стана¹⁷ — села Никольского — в Москву был назначен на 29 февраля

¹³ Поминки — дар, подарки [18, II, 1160].

¹⁴ Корошеваться — здороваться.

¹⁵ В инструкции говорилось: «Да и того беречь накрепко в городех и дорогою едучи и на станех к послу и к купцам и к шаховым и к его посольским людям иных государств иноземцы и русские люди никто не приходил и не о чем не розговаривали и письмо никакого к ним не подносили...» [4, 112].

¹⁶ Ну жа — нужда [18, II, 473].

¹⁷ Подхожей стан — село под Москвой, откуда иностранное посольство должно было начать свой торжественный въезд в город.

[4, 128, 129, 131]. Организовать торжественную встречу посольства за Тверскими воротами «за земляным городом перестрелах за два¹⁸...» было поручено знатным боярам Ивану Борисовичу Троекурову и Тихону Никитичу Стрешневу. На встрече приказано было «быть подьячим старым всех приказов в цветном платье и конным и оруженным сту человекам» [4, 169].

Стрешневу было предложено организовать охрану посольского двора — «быти для береженья детям боярским пяти человекам». 26 февраля стольнику Грибоедову Семену Федоровичу и дьяку Корелкину Борису было приказано встретить Мохаммеда Хосейн хан-бека «за Тверскими воротами за Ямскою слободою в двух перестрелах и быть у посла в приставах, а для переводу быть Кучукаю Сакаеву» [4, 169, 196].

О том, как происходила церемония встречи и въезда иранского посольства в Москву, материалов в архиве не сохранилось. Известно только, что въезд состоялся 1 марта 1692 г. [7, 381] и что руководитель Посольского приказа думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев от имени «великих государей» распорядился о «честной» встрече Мохаммеда Хосейн хан-бека, подчеркивая, что торжественный въезд его в Москву должен быть сделан «по примеру [7] 166 и [7] 183 годов», т. е. как встречали иранских послов Хана Дакула Салтана в 1657—1658 гг. и Мохаммеда Хосейн Али-бека в 1674—1675 гг. [4, 125, 126].

Таким образом, посольство Мохаммеда Хосейн хан-бека, выехав из Астрахани 27 сентября 1691 г., прибыло в Москву 1 марта 1692 г., пробыв в дороге 155 дней. Его разместили в Китай-городе на Большом посольском дворе, помещение которого было специально переоборудовано применительно к обычаям иранцев¹⁹ вплоть до бани²⁰. Для обслуживания помещения посольства и купчин указами от 11 и 15 февраля 1692 г. было предписано «для приготовления палат Большого посольского двора, где будет стоять Усейн хан бек с купчинами и [для] топления их, послать шесть человек земских людей, которые будут там до отпуска посла из Москвы». Кроме того, указом от 21 февраля «бояре приговорили» предоставить для обслуживания посольства «по водовозу, да им же давать по семь возов дров на неделю» [4, 71, 73, 145; 5, 11, 14]. Такое же распоряжение было дано и в отношении обоих купчин, с их людьми²¹. Однако уже в начале марта 1692 г. Мохаммед Хосейн хан-бек заявил, что «сажени дров сеченых на день на 37 печей и для поварни ему мало, просит добавить. Также бочки дубовые четыре требует...» [6, 40].

Указом от 21 февраля 1692 г. [4, 151] посольству установили с 29 февраля норму выдачи кормового довольствия в натуре. При этом поражают своими размерами нормы «питья». Так, послу отпускали еже-

¹⁸ Перестрел — расстояние выстрела [18, т. II, 915].

¹⁹ Указом от 4 января 1692 г. предписано «боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому с товарищи... персидского посла и купчин поставить в Китае городе на Большом посольском дворе, а к приезду их в Москве во всех полатах печи и окончины починить и полки и примосты по персидскому обычаю в палатах построить и учинить во всем по прежнему, как наперед сего бывало на дворе у персидских послов и у купчин» [4, 227]. Другим указом было предложено «на посольском дворе надобно к приезду персидского посла все отходы вычистить, дворы и столчаки починить. Да купить шесть чанов больших, шесть шаек водяных, шесть поваренных очагов сделать по персидскому... Да земских поставить [для обслуживания] да в полатах протапливать починяные и новые печи» [4, 71].

²⁰ «Зделано послу к приезду иво... в бане по их басурманскому обыкности ларь дощаной...» [4, 9].

²¹ Двум иранским купчинам «велено давать по указу государей... по семь возов дров... на неделю, да к ним же послано по водовозу с лошадью... И отпускать им дрова и воду возить, пока они в Москве. Да к ним же послано из Земского приказа для топления полат земских метельщиков четыре человека» [7, 544, 545].

дневно «полведра романи, 20 ведер меду паточного, 30 ведер пива яичного, два ведра вина двойного. Двум купчинам по четверти вина двойного, по четверти романи, по ведру вина простого, по пять ведер меда паточного и по десять ведер пива яичного». В день же приезда посольства в Москву по обычаю ему была выдана двойная норма [4, 151, 159—162; 5, 11—14].

По приезде в Москву иранский посол «бил челом... великому государю», в результате чего указом от 31 мая 1692 г. ему было выдано «дорожного корму» за путь от Астрахани (с 3 августа 1691 до 1 марта 1692 г.) за 204 дня по 7 руб. 7 алтын и 4 деньги, всего 1264 руб. 26 алтын и 4 деньги²², а вместе с кормовыми на обратный проезд посольства до Астрахани — 300 руб., что составило 1564 руб. 26 алтын и 4 деньги [7, 381; 5, 81], которые московские приставы «стольник Иван Меркульев сын Конищев да дьяк Борис Корелкин отвезли к Мохаммеду Хосейн хан-беку и «посол те деньги велел принять и поставить в полату» [7, 381].

Так был разрешен спорный вопрос о размере кормовых денег для иранского посольства. Вместо обычных 3 руб. и 13 алтын в Москве ему выдали вдвое больше. Московское правительство явно не желало из-за мелочей портить отношения с иранским послом и пошло навстречу его просьбе, «чтоб де им такую малую дачею впредь обрасца не учинить» [7, 381].

В Москве же за все 72 дня пребывания Мохаммеда Хосейн хан-бека ему выплачивались кормовые в размере 30 руб. в день [7, 381], что составило 2160 руб. К ним необходимо добавить 60 руб. двойных кормовых, полагающихся в день приезда и в день отъезда. С выданными 1564 руб. 26 алтынами и 4 деньгами общая сумма кормовых денег достигла внушительного размера — 3784 руб. 26 алтын и 4 деньги, не считая выданного натурой продовольствия и в Москве, и в пути, а особенно «питья», исчисляемого тысячами мер разного названия.

Несмотря на это, Мохаммед Хосейн хан-бек остался недоволен размером выданных ему кормовых денег. Пристав Корелкин сообщил 31 мая 1692 г., что иранский посол, принимая 1564 руб. 26 алтын и 4 деньги, указал, что «ему на Москве с посольскими дворяны и ево людьми давано государева жалованья поденного корму по 30 руб. на день...», только в дни пребывания в Москве, тогда как в Иранском государстве русские послы получают кормовые деньги от шаха, «с которого числа их примут и покамест в шаховой области они побудут и им кормовые деньги с приему и до отпуску на все дни дают ровно без убавки» [7, 381]. Этими словами Мохаммед Хосейн хан-бек хотел подчеркнуть, что ему должны были выплачивать кормовые по 30 рублей на день и за все дни пребывания иранского посольства на территории России.

Претензия была совершенно необоснованная. Во-первых, в Русском государстве кормовые деньги иностранным посольствам выдавались неукоснительно и строго по определенным нормам, от которых для Мохаммеда Хосейн хан-бека сделали в Москве отступление, не говоря уже о выдачах продовольствия в натуре, особенно в отношении «питья». И, во-вторых, ссылка иранского посла на то, что в Иране русским послам выплачивались кормовые деньги аккуратнее, чем ему в Москве,

²² Кстати сказать, во всех приведенных цифрах сделаны ошибки. Во-первых, с 3.VIII.1691 до 1.III.1692 г. насчитывается 211 дней, а не 204; во-вторых, умножив те же 204 дня только на 7 руб., составит сумма в 1428 руб., а не 1264 руб. 26 алтын и 4 деньги. Однако последняя цифра повторяется и в других документах. Поэтому возможно, что ошибка кроется в том, что поденная норма была не 7 руб., а только 6 руб. 6 алтын и 4 деньги, как указывается в документе от 12 мая 1692 г. [8, 29; 5, 81].

не соответствовала действительности. Почти все русские послы, за исключением, пожалуй, Василия Коробьина (1621—1624), жаловались не только на недостаточную выдачу им кормовых денег из шахской казны, но и на невыплату их в течение длительных сроков пребывания послов в Иране.

После 16 дней пребывания иранского посольства в Москве 17 марта 1692 г. Мохаммед Хосейн хан-бек и купчины были приглашены на аудиенцию к царю. На Большой посольский двор приехали приставы: Иван Конищев за послом со свитой; дьяк Корелкин за купчиной Ага Керим Мурат-ханом; Заманов — за вторым купчиной Ага Шамси Мирзой Юсуфом [5, 58об., 59; 2, 247]. Для переезда посла были присланы: «сани... нарядные о шести возниках з белом медведном...²³ з государевой конюшни. Да под купчин... двое сани о четырех возниках. Да под шаховых дворян, посольских людей 45 лошадей, с седлы и с узды...» [5, 58об., 59; 2, 247].

О торжественном характере царского приема можно судить по тому, что на протяжении всего пути иранского посольства от Большого посольского двора до Спасских ворот, а от них до Кремля и до Красного крыльца были выстроены по обе стороны шесть полков стрельцов «с ружьем и з знамены и з барабаны...»²⁴.

Перед санями иранского посла «стрельцы 2003 человека» несли шахские подарки и дары купчин, за ними следовали шаховы дворяне и везли зверей — льва и львицу на специально построенных санях со щитом у дышла, чтобы народ зверей видел, а звери от вида лошадей «не разъярились». Зверей привезли к Красному крыльцу, откуда «по приказу окольничьего Ивана Афанасьевича Матюшкина те звери повезены были через дворец на потешный двор». Около саней посла шла его охрана из десяти человек в панцирях и с пищалями. Посол ехал в «простой чалме», а его парадную чалму «вез на руке в тех же санях кизылбашенин». За послом следовали купчины Ага Керим Мурат-хан и Ага Шамси Мирза Юсуф [2, 247, 248; 5, 59, 59об.]. Въехав в Кремль, иранский посол вышел из саней против первого быка напротив казенной палаты. Здесь он, «взяв чалму, которая была у кизылбашенина, поцеловав, надел на себя, а старую чалму отдал кизылбашенину... А чалма была на после золотная, — сообщал дьяк Посольского приказа, которому было поручено описать церемонию приема иранского посла, — с тремя пернатиками наперед, а в пернатиках были камень яхонты и изумруды» [5, 60]. Шахские же дворяне вышли из саней против среднего быка казенной палаты. Посольские люди спешили еще ранее — против архангельской паперти.

По договоренности ни посол, ни его свита, допущенная на прием к царю, не имели оружия (сабли и кинжалы).

В Грановитую палату, где был назначен прием посла, все поднялись «среднею лестницею Красного крыльца», оставив охрану в сенях [2, 249]. На лестнице до сеней стояли дети боярские, подьячие и дворовые люди «в чистом платье», а в сенях стояли по обе стороны 60 человек «жильцов в терликах и обяринных с протазаны...». Перед послом шли по двое в ряд шахские дворяне и «чиновные люди с ездоками». В сенных дверях Грановитой палаты Мохаммеда Хосейн хан-бека встретил стольник Андрей Яковлевич Хилков с дьяком Осипом Татариновым, который произнес «встречную речь» и поздоровался с послом, а

²³ «З белом медведном» — полостью, очевидно.

²⁴ До военной реформы Петра I стрелецкие полки носили название своих командиров. Поэтому шесть полков на встрече иранского посла назывались полками Ивана Цынклера, Лаврентья Сухорева, Семена Капустина, Бориса Бачурина, Ивана Обухова и Ивана Спешнева [5, 60об., 61].

в дверях палаты иранского посла с купчинами встретил «стольник князь Юрья княже Яков сын Хилков с дьяком Артемием Волковым», который, сказав встречную речь и поздоровавшись с послом, проводил его к месту, где сидели государи. В Грановитой палате стояло много «гостей». Все они были «в золотном платье» [2, 249, 250; 5, 60, 60об.].

Вся эта торжественная обстановка приема свидетельствовала о большом почете, оказанном иранскому послу в Москве. Так, «великие государи в то время изволили сидеть в своих царских венцах и в диадиме с скипетром в своем государском большом наряде» [5, 61]. Справа от царей стояли Василий Петрович Шереметев и Михаил Семенович Колычов, а слева — Владимир Петрович Шереметев и Богдан Семенович Колычов. Бояре, окольничие и думные люди сидели в золотном платье «и в шапках з запаны»²⁵ [5, 62].

Когда Мохаммед Хосейн хан-бек подошел к трону, думный дьяк Емельян Украинцев представил его государям, после чего посол поклонился и «поздравление правил и подал шахову грамоту...», а купчины подали свои грамоты. Грамоты принял дьяк Украинцев. Привстав, государи спросили о здоровье шаха: «Брат наш великий государь Сулейман шах здорову ль?» Посол ответил обычной формулой, что когда он, посол, выезжал из Ирана, шах был здоров. Добавил, что «прислал его шах для обновления и утверждения их государской братцкой дружбы и любви...», а также «с поздравлением на престоле российского царствия» [2, 253, 254; 5, 62].

После этого посол, купчины и шахские дворяне были приглашены «к руке», но Мохаммед Хосейн хан-бек «целовал великих государей в правую полу», во время чего они «нанесли руку» над ним. Племянник посла, оба купчины и три шахских дворянина целовали тоже царскую полу с той же церемонией. Государи спросили и о здоровье посла и купчин, после чего были предъявлены подарки от шаха. Подарки «просписи... [приняли]... казенные дьяки». В момент сдачи подарков иранский посол встал со специальной, обитой красным сукном скамейки, поставленной для него. Представили подарки и купчины. По окончании церемонии с подарками думный дьяк Украинцев от имени государей сказал, что грамота шаха принята и посол Ирана заслушан. Ответ на грамоту будет дан боярами и думными дьяками после ознакомления с ней [5, 62, 62об.; 2, 254, 255].

На этом церемония приема закончилась. Послу был дан «стол»²⁶, и Мохаммед Хосейн хан-бек, поклонясь, вышел из палаты в сопровождении встречавших его лиц. А со «столом» на подворье к иранскому послу направили стольника В. А. Соковкина [5, 62—63; 2, 254, 255].

Подарки шаха Сулеймана, переданные Мохаммедом Хосейн хан-беком, не были очень ценными, хотя согласно донесению Ивана Юрьева из Саратова, оценивались им в 30 тыс. руб.²⁷. Сумма по тем временам внушительная даже для государства. Но в действительности же подарки шаха оказались более скромными. Если не считать льва, львицу и птиц, то стоимость всех остальных его подарков не превышала 2000 руб.²⁸.

²⁵ Запаны — застежки [18, I, 938].

²⁶ Стол — угощение с царского стола.

²⁷ Юрьев Иван писал: «В дарех... шлет шах... многие вещи... всего на 30 тысяч: и большыи» [4, 233].

²⁸ Полной описи подарков в делах Архива не обнаружено. Согласно отдельным разрозненным документам, среди подарков значатся: два льва (лев и львица); птиц из Ирана везли 4 штуки, среди которых были, очевидно, 2 индийских попугая, которые «говорили многие речи по персички. И по русски учили было говорить, и те обе умерли на Саратове»; булава, обложенная золотом и камнями, оцененная в 20 руб.; седло «арапское», отделанное золотом и камнями, в 45 руб.; узда, золотом оправленная с камнями, в 20 руб.; разные материи: 54 косяка изорбафов (462 руб.), 27 кушаков.

В предыдущие годы иранские шахи преподносили русским более ценные подарки: так, в 1641 г.—на 3479 руб., в 1645 г.—на 7 тыс. руб., в 1649 г.—на 8500 руб., в 1658 г.—на 9097 руб. 28 алтын и 4 деньги и т. д. [7, 341]. Подарки русской стороны, по тем же архивным документам, были более ценными. Так, с посольством Ф. Я. Милославского шаху было отправлено подарков на 30 тыс. руб. [8, 51].

В скромном характере подарков шаха Сулеймана сказалося пошатнувшееся экономическое положение Иранского государства конца XVII в., о чем говорилось выше.

Подарки иранских купчин носили символический характер и ограничивались несколькими кусками изорбафов²⁹ и других материй³⁰.

На этом закончилась официальная часть первого этапа пребывания иранского посольства Мохаммеда Хосейн хан-бека в Русском государстве. Деловая часть началась с рассмотрения шахских грамот русским правительством.

Грамоты, представленные тем или иным иностранным посольством правительству страны, в которую оно направлено, должны были определять цели и задачи данной дипломатической миссии. Практически же в XVI и XVII вв. это не всегда бывало так. Причина заключалась в дипломатических правилах тех времен — скрывать свои истинные цели как можно дольше и не доверять их бумаге, главным образом из-за опасностей в пути и из-за боязни, что грамота попадет в чужие руки.

В данном конкретном случае мы имеем редкий пример, когда из содержания одной из грамот шаха Сулеймана к русским царям ясно видна цель посольства, отправляемого с этой грамотой.

17 марта 1692 г. иранский посол и два купчины вручили Ивану и Петру четыре грамоты. Две из них о купчинах. На переводе первой грамоты с персидского на русский язык имеется неправильная дата — 31 марта [2, 2], поставленная позднее кем-то из подъячих Посольского приказа.

Первая и вторая грамоты шаха Сулеймана адресованы на имя двух царей — Ивана и Петра³¹. В первой из них после титула и славословия в честь государей и традиционного поклона высказана надежда на то, что «любительная, нераздельная в предыдущие дни прибавительная дружба наипаче прежнего да будет...» [2, 1, 1]. Далее сообщалось, что в ответ на грамоту русского правительства, привезенную к шаху московским гонцом Исаем Силиным в 1682 г., в которой извещалось о смелости царя в Москве, иранское правительство послало с тем же Силиным свои поздравления, а «Исай Силин отсюда отпущен и с того времени в два года [в течение двух лет] он к вашему царскому величеству не пришел и о дружбе и о любви нашей вам не известил», вследствие чего из Москвы в Иран был направлен гонец Константин Христофоров.

После такого введения шах поздравил русских царей Ивана и Пет-

---

(134 руб.), дарог 81 штука на 127 руб. 60 коп. и т. д. Всего на 805 руб. 60 копеек» [5, 115—117об.].

Однако по другим документам значились: 4 ковра, бархат, занавески и другие вещи, сложенные в 10 коробов, а также 10 вьюков по 10 батманов (если тавризовских, то по 3 кг весом) шелка-сырца [3, 1—13; 4, 233].

²⁹ И з о р б а ф, или з а р б а ф,— золотая или серебряная ткань (т. е. ткань, затканная серебряными или золотыми нитями) [18, I, 1075].

³⁰ Подарки купчины Ага Керима Мурат-хана состояли из двух шитых золотом и серебром платков, куска изорбафа и других материй. Купчина Ага Шамси Мирза Юсуф преподнес две индийские скатерти, шесть кусков изорбафов и другие материалы [3, 14, 15].

³¹ После смерти в 1676 г. Алексея Михайловича на трон был возведен Федор. Однако после стрелецкого восстания 15 мая 1682 г. на престол были посажены 26 мая 1682 г. два царя — малолетние два брата Иван и Петр. Соправительницей стала царица Софья. После смерти Ивана 29 января 1696 г. единоличным царем стал Петр I.

ра и сообщил, что для этого «послал я с тем поздравлением от своего владения честного и верного Юз башу Усейн хан бека послом звычайного посольскому обычаю», которого (посла), после того как он «посольство наше вам донесет... да повелите его назад... отпустить». На печати, поставленной в конце грамоты, написано «государства персидского раб божий шах Сулейман» [2, 2—4].

На этом грамота заканчивалась.

Если первая грамота шаха представляет собой сугубо официальный документ, то вторая — гораздо содержательней. Текст ее приводится полностью.

«И в другой грамоте,— говорится в ее оглавлении, сделанном в Посольском приказе при переводе,— с тем же послом написано, их великих государей имянование и титулом против вышеписанного³², а по имяновании и титулах написано: Вашему царскому величеству объявляем, в грамоте вашей писано к нашему шахову величеству о добрых делах, чтоб впредь между нами добрые дела множились, да что турецкой салтан и крымской хан шерти³³ свои наруша чинили с вами войну, и с войска своими приходили под украинные³⁴ ваши города и многих в полон взяли и чинили разоренье великое. Потом на государства цесаря римского и польского короля они же войною ходили и от той их войны к вашему царскому величеству приходили от тех окрестных государств послы и просили себе помощи, и вы, великие государи, свышепомянутым светлейшим цесарем римским и с королем польским учинили между собой крепкое соединенье³⁵ вновь и сами вы и государства своего на крымской юрте³⁶ и на турецкое государство войною ходили. И всякой промысел над ними чините, и чтоб и с нашей шахова величества стороны прежние взятые от нас города Вавилон³⁷ и иные отыскать³⁸; и о том о всем по той вашей грамоте нам известно и напредь сего о том к нашему шахову величеству отец ваш, блаженныя памяти великий государь и брат ваш [наш — Алексей Михайлович], блаженныя жь памяти великий государь в грамотах своих писали жь, а прежние христианские высокие государи как цесарь римской, так и польский король по своим желаниям через послов своих с прежними турецкими салтаны укреплены были дружбою чрез шертованье, и ныне было того нарушивать непристойно, а нашему шахову величеству войны всчинать против турчан и городов отбирать нельзя, для того, что от вышняго бога, присланного нашего Магамета Мустофы и учителя ево Алея Муртозы и от апостолов наших благословенному закону нашему будет та война противна. И для вашего царского величества дружбы есть ли б была не та противность, и мы б по соседству своему помощь вам учинили, а что тово вашего дела не учинили, и о том бы вам на нас не подивить³⁹, а мы вам всякого добра желаем и хотим с вами быть в прежней дружбе и любви. А что вы к нашему шахову величеству писали о купчине нашем Мирза Магомете, что он живет на Москве непристойными делами, чтоб о том от нашего шахова величества прислан был к нему наш указ, чтоб он ехал к нам и от

³² Против вышеписанного, т. е. титул такой же, как и в первой грамоте.

³³ Ш е р т ь — клятва, договорные отношения [18, III, 1587].

³⁴ У к р а и н н ы е — окраинные. Речь идет о русско-турецкой войне 1676—1681 гг., о походе турецких войск и боях за Чигирин в 1677—1678 гг., когда турки потерпели поражение от русских и украинских войск, подорвавших турецкое военное могущество Османской империи.

³⁵ С о е д и н е н ь е, с ъ е д и н е н и е — соединение, слияние, единство [18, III, 704, 705].

³⁶ Ю р т — род, родичи, родовое владение [18, III, 1630].

³⁷ Вавилон — Багдад.

³⁸ О т ы с к а т ь — в данном случае отвоевать обратно.

³⁹ «Нас не подивить» — не удивляйтесь на нас.

непристойных дел его унять. И потому вашему письму наше шахово величество о том приказал честному послу нашему Юз Баше Усейн хан беку, а он ево и что нам потребно то все привезет. И что между нами исконная есть любовь и дружба того б вам не оставить и попрежнему б быти с нами в доброй дружбе и о добром вашем пребывании в без урывных пересылках⁴⁰.

Печать у грамоты такова ж какова у первой» [2, 4—7].

Главное в этой грамоте шаха Сулеймана заключается в том, что на предложение Москвы, сделанное в 1686 г., о присоединении к антитурецкому военному союзу европейских держав он ответил, хотя и через 3—4 года, решительным отказом, несмотря на такие заманчивые предложения, как захват у турок взятых ими у Ирана в 1638 г. Багдада и других городов.

Представляет интерес и объяснение отказа, приведенное шахом Сулейманом в грамоте. Он осуждает нарушение договорных условий турецким султаном в отношении европейских государств, говоря, что «того нарушивать непристойно». Однако, с другой стороны, Ирану нельзя начинать войну с турками и отбирать у них города. Почему? Потому что от пророка Мохаммеда и от его учителя Али Муртозы и от апостолов «та война противна... закону нашему».

Иначе говоря, Коран запрещал мусульманам воевать с мусульманами, что, кстати сказать, не помешало ни турецким султанам, ни иранским шахам вести почти непрерывные войны на протяжении всего XVI и первой трети XVII в. вплоть до 1639 г.

Но как бы принося извинения за отказ, шах Сулейман подслащивает горькую пилюлю отказа заверениями, что если бы не эта «противность», то Иранское государство помогло бы своему северному соседу, Русскому государству, в войне его против турок.

В конце грамоты шах сообщал, что дал указания своему послу забрать в Иран Мирзу Магомета, творящего в Москве «непристойные дела»⁴¹. В заключительной части грамоты шах выразил желание быть с Московским государством «в доброй дружбе» и «в без урывных пересылках».

Таков этот интересный и примечательный документ, который подвел окончательную черту под стотрехлетним периодом переговоров Ирана с Русским государством о заключении военного союза против Османской империи. Предложение, сделанное Московскому государству шахом Мохаммедом Султан Ходабендэ в 1586 г. через гонца Анди-бека⁴², получило письменное подтверждение от иранского правительства лишь в 1689 г. В нем ясно сказано, что Иран не хочет вступать в военный союз против Турции ни с Русским государством, ни с другими европейскими державами.

Заслуживает внимания также спокойное реагирование московского правительства на этот отказ. Очевидно, оно давно свыклось с мыслью, что нельзя рассчитывать на Иран как на союзника в борьбе против Турции, хотя, как мы знаем, последнюю такую попытку Посольский приказ сделал в 1686 г., после заключения «вечного мира» с Польшей и присоединения к Священной лиге европейских держав, направленной против Османской империи.

Тексты двух грамот шаха Сулеймана, врученных московскому царю 17 марта 1692 г. иранскими купчинами Ага Керимом Мурат-ханом и

⁴⁰ «В без урывных пересылках» — в постоянном обмене посольствами.

⁴¹ Непристойные дела купчины Мирзы Мохаммеда заключались в непрерывном пьянстве, а главное, в торговле запрещенными товарами, табаком и др.

⁴² Ирано-турецкий мирный договор 7 мая 1639 г., по существу, снял вопрос с русско-иранском союзе против турок, и он не поднимался до 80-х годов XVII в.

Ага Шамси Мирза Юсуфовым, идентичны. Состоят они из уведомления о посылке шахом вместе с послем Мохаммедом Хосейн хан-беком купчины такого-то «для покупки всяких товаров про наш, шахова величества обиход, что надобно и пригодно покупать и привести к нашему шахову величеству». Для выполнения этого шахского поручения и для «умножения между нами исконной дружбы и любви и пересылки...» шах Сулейман просил московского царя «приказать крепко [своим] приказным людям, боярам и воеводам и всем своим поданным чинить вспоможенье, чтоб поволено быть вышеупомянутой покупке, что про обиход нашего шахова величества будет надобно» [2, 8, 9].

Перед тем как закончить грамоты просьбой и «купчину Маметь Юсуфа велеть отпустить к нашему шахову величеству и проводить до владения нашего в целости», в них вставлена, очевидно не случайно, фраза, имеющая принципиальное значение. Ею как бы устанавливалась и на будущее время эта форма торговли через иранских купчин.

Так, после приведенных выше слов о содействии в покупке для шаха нужных товаров в грамоте сказано: «хто от нашего шахова величества за такими торговыми делами впредь будет послан и тем бы, нашего шахова величества торговым людям, ваше царское величество повелели чинить вспоможение и повольностию им велеть торговать без задержания и без остановки и без убытков» [2, 9]. Печать на грамотах купчин поставлена такая же, как и на предыдущих грамотах.

После аудиенции 17 марта 1692 г. Мохаммед Хосейн хан-бек несколько раз приглашался «великими государи» на разного рода увеселения. Так, 20 марта он присутствовал на смотре войск, вызвавшем его удивление и восхищение. В другой раз для иранского посольства была организована прогулка в село Измайловское. Согласно указу 23 апреля, послу была предоставлена «карета о шести возниках, да под дворян тридцать лошадей добрых с седлы и с узды чистыми, да в ездоках конюхов 9 человек» [7, 431].

31 марта 1692 г. Мохаммед Хосейн хан-бек был приглашен в Грановитую палату, где «их... [государевы] пресветлые очи видели...» и откуда его провели в «Ответную полату»⁴³ для переговоров с боярами.

Мохаммед Хосейн хан-бек вел переговоры с боярами 31 марта и 2 апреля 1692 г. В дополнение к ним иранский посол представил 11 и 12 апреля несколько писем (челобитий) с претензиями.

31 марта с иранской стороны присутствовал посол Мохаммед Хосейн хан-бек, с русской — смоленский наместник боярин Петр Васильевич Шереметьев, галицкий наместник боярин Борис Васильевич Бутурлин, муромский наместник, окольный Иван Иванович Чаадаев и посольский думный дьяк, болховский наместник Емельян Игнатьевич Украинцев [2, 10].

Состав «Ответной полаты» как видим, весьма сильный, назначенный для рассмотрения важных и серьезных вопросов и весьма почетный для иранского посольства. По-видимому, назначая такой состав, московское правительство предполагало, что обсуждаться будут весьма серьезные проблемы, хотя в основной грамоте шаха Сулеймана не было даже намека на какие-то дела, имевшиеся у него к русскому правительству. Однако, как известно, не всегда содержание официальной грамоты совпадало с целями и задачами посольства, представившего эту грамоту. Подтверждением этому было то, что на первой же конференции фигурировала другая грамота, оказавшаяся более существ-

⁴³ Ответная полата — комиссия, специально созываемая для ведения переговоров с иностранным послом, которого она выслушивала и после доклада царю давала «ответ» от его имени обычно на другом заседании.

венной по своему значению. Мохаммед Хосейн хан-бек, очевидно, представил ее русскому правительству еще до созыва данной конференции, но после аудиенции 17 марта. Эта грамота имеет дату — 31 марта, но представлена она была раньше, так как для ее перевода требовалось некоторое время.

Церемония встречи в «Ответной полате» была торжественной: иранского посла привезли его приставы в Грановитую палату по всем правилам приема у царя, описанным выше. После представления царям посол был направлен для «ответа» в одну из палат в Кремле. Здесь его встретил думный дьяк Украинцев. Он «явил ближних бояр», перечислив после титула царей все чины этих бояр и их должности, после чего бояре «с послом корошевались и спрашивали посла о здоровье». Посол поблагодарил, и все «сели по местом. Бояре в лавке от Москвы реки, а окольничей и думный дьяк с товарищи сели в скамье против посла, а посол в лавке от Стретенья».

По обычаю, подождав немного, всех лишних чиновных людей и шаховых дворян «выслали вон... оставя приставов да посольского племянника Даязытея...» [2, 10—13].

Боярин П. В. Шереметев начал конференцию со славословия богу и с титулования царя, принявшего «от брата их любительного... Сулейман шаха...» посла Мохаммеда Хосейн хан-бека «с поминки». Бутурлин продолжил речь Шереметева. Он говорил о грамоте шаха, которой тот поздравил с восшествием на трон новых царей — Иоанна и Петра. И. И. Чаадаев закончил речь Бутурлина, провозгласив здравицу в честь шаха Сулеймана и пожелал ему «на государствах его многолетнего здравия и государствам его прибавления». В конце речи он заверил шаха во взаимной дружбе со стороны русского царя [2, 13—16].

На этом официальная часть переговоров закончилась. Думный дьяк Е. И. Украинцев начал деловую часть. Он спросил о цели посольства Мохаммеда хан-бека и «что с тобою его шахова величества дел наказано...», которые они, бояре, должны выслушать «и в ответе с тобою быть» [2, 16]. Посол ответил, что прислан «для обновления и утверждения их государские, братцкие дружбы и любви. И с поздравлением им, великим государем... в наследии государствования... на их государском престоле и с любительными поминки... [и чтобы] любительные пересылки⁴⁴ впредь множилась...» [2, 17, 18].

В ответ на заявление русской стороны, что великие государи то все «приемлют любительно», Мохаммед Хосейн хан-бек повторил, что прислан для поздравления и объявления дружбы, но что, кроме того, «об иных делах, наказанных ему от шахова величества, объявит он... в иное время». Однако бояре настаивали на том, чтобы иранский посол сказал им о всех делах, так как им, боярам, приказано выслушать и сообщить государю обо всем, что скажет посол, а царь «потом учинит послу ответ» [2, 18, 19].

Лишь после повторного настояния иранский посол сообщил, что имущество переводчика Посольского приказа Константина Христофорова, умершего в 1686 г. в Иране, шах велел переписать, опечатать и в целости переслал с ним, Мохаммед Хосейн хан-беком, «и отданы те ево Константиновы животы⁴⁵ племяннику его... с роспискою...», которую посол и передал боярам. Бояре приняли расписку и сказали, что отдадут ее для перевода, после чего ответят послу [2, 19, 20].

Второе дело, «наказанное» шахом Сулейманом, касалось иранского купчины «Магамета Шамсеева... отпущенного» из Ирана «тому ныне

⁴⁴ Пересылки — обмен посольствами.

⁴⁵ Жизнь и вот — жизнь, именно, имущество [18, 867, 868].

с 17 лет»⁴⁶, которого иранскому послу велено шахом «с Москвы взять... по той их царского величества любительной грамоте... и привести в Персию...». Но так как купчина Шамшеев жаловался шаху, «что он разорен от русских людей и животы ево многие пропали...», то шах велел Мохаммеду Хосейн хан-беку бить челом государям, «чтоб те пожитки купчины сыскать...» и переправить их в Иран [2, 20, 21]. В подтверждение своих слов иранский посол передал боярам свою просьбу в письменном виде.

Бояре обещали доложить государям и дать ответ, тем более что письменное заявление посла необходимо было перевести на русский язык.

Третий вопрос, поставленный Мохаммедом Хосейн хан-беком, касался непрекращавшихся разбойничьих набегов вольных казаков на суда в Каспийском море. Казаки так напугали иранского посла, что он только на четвертый год добрался до Москвы, так как из-за них «жил де он такое многое время во владенье шахова величества в городе Дербене за тем, что воровские казаки, раскольники живут около моря за Терком⁴⁷ и на море выходят почасту, и торговых людей грабят и разбивают. И с Персиды и из Низовой⁴⁸ к Астрахани путь заградили и торговые люди ездить не смеют...», вследствие чего он, посол, «ехать к государству российскому царствия боялся». В конце концов Мохаммед Хосейн хан-бек отважился и благополучно доехал до Астрахани, «но слышал, что казакам не препятствуют⁴⁹ и они продолжают грабить как на море, так и на суше тот путь, которым торговые люди из Персии в Россию ездят». Однако, продолжал посол, так как он «тем же опасным путем» должен возвращаться в Иран, то он просил, чтобы «для братцкой дружбы и любви с шаховым величеством [русские власти] повелели на тех воровских казаков послать своих государских ратных людей и над теми казаками учинить воинский промысел и те пути очистить» [2, 22—25].

Вопрос о разбое казаков на Каспийском море не был только плодом испуганного воображения не очень мужественного Мохаммеда Хосейн хан-бека. Он имел большую политическую и социальную подоплеку. Известно, что в первые десятилетия XVII в. Московская Русь переживала большие трудности. Уложение 1649 г. узаконило и оформило консолидацию класса феодалов и привело к нажиму феодального государства на крестьянство, выразившееся, в частности, и в увеличении налогов, сборов и податей. Если прибавить к этому мероприятия централизованного государства по ограничению независимости донского казачества (1645 г.), станут понятными причины усиления не только бегства крестьянства на окраины, но и ухода наиболее беспокойной части казачества в низовья Волги и далее в сторону иранского побережья Каспийского моря, где они обосновывались и, пользуясь безнаказанностью, занимались грабежами. Однажды это уже привело к осложнениям между Русским и Иранским государствами (1647—1653)

⁴⁶ Речь идет о купчине Мирзе Мохаммеде Шамшееве, прибывшем в Москву в феврале 1675 г. с шахским послом Мохаммедом Хосейн Али-беком, следовавшем в Польшу и там умершем. Шамшеев остался в столице, где прожил 12 лет и умер 12 июня 1686 г., после того, как о нем была послана грамота шаху Сулейману. О неприличном поведении Шамшеева говорилось выше. Поэтому русские власти просили иранское правительство отозвать его в Иран [5, 44—45 об.].

⁴⁷ За Терком, т. е. за р. Терек, границей Русского государства.

⁴⁸ Низовая — очень неудобная, без гавани пристань на западном берегу Каспийского моря, через которую шемахинские купцы вывозили свои товары в Астрахань. Расположена несколько севернее Баку.

⁴⁹ Явный намек на старый тезис иранского правительства, что в разбоях казаков на Каспийском море не только были заинтересованы, но участвовали астраханские и терские воеводы.

и к охлаждению их политических отношений, которые, не успев нормализоваться, были снова осложнены новыми набегами казаков, уже под руководством Степана Разина в 1668—1669 гг.

Обращение Мохаммеда Хосейн хан-бека к русскому правительству в 1692 г. показывает, что реальная угроза «от воровского казачества» на Каспийском море не была ликвидирована в конце XVII в. и что эта угроза нападений в какой-то степени тормозила русско-иранскую торговлю.

Четвертый вопрос — жалоба на бесчинства племянника астраханского стрелецкого полковника Нечаева и на самого полковника.

Суть этого безобразного дела изложена не только в заявлении иранского посла от 31 марта 1692 г. [2, 24—26], но и в его письме от 2 апреля. Посол заявил боярам на конференции, что Матвей Иванов, племянник Нечаева, пришел на посольский двор в Астрахани «с многими людьми» и четырех шаховых дворян, приставленных к клеткам со львами, «бил и увечил и саблями рубил и чалмы и платье на них подрал и пограбил и ево, посла бранил и бесчестил всячески» [2, 24, 25]. Посол добавил, что он в Астрахани подал по этому делу челобитье астраханскому воеводе Петру Ивановичу Хованскому, но ответа не получил, поэтому сейчас просит, чтобы «за то ево посольское безчестье тому Матвею Иванову учинен был их царского величества указ...» [2, 25], а за битье, увечье и ограбление четырех его дворян «на нем, Матвее доправить»⁵⁰.

Бояре ответили послу, что из Астрахани им об этом не сообщили и что они донесут государям, после чего ответ послу будет дан «выное время».

Закончив на этом свои дела и претензии, Мохаммед Хосейн хан-бек сказал, что у него от шаха «о иных делех никаково приказу ему нет», но что о своих обидах он пришлет в Посольский приказ челобитья [2, 25—27].

Помимо этого Мохаммед Хосейн хан-бек жаловался боярам на то, что ему объявили «денежный корм» по 30 руб. на день, совершенно недостаточный, что «только ему послу тем кормом с шаховы дворяны и со всеми людьми прокормитца нечим, и чтоб великие государи... велели к тому поденному корму учинить ему прибавку...». Об этом посол просил донести государю, так как, по словам посла, «у шахова де величества...», российским послам шах «дает корм денежной довольной...» [2, 27, 28]. Бояре ответили, что доложат обо всем государям. На этом первая конференция закончилась.

Вторая конференция состоялась 2 апреля 1692 г., когда письменное заявление иранского посла было переведено. В нем (на 11 листах) имеются некоторые подробности, представляющие интерес. Так, к ним относятся детали о грабежах в районе Терков, где казаки три года как «и товары грабят и всякое поругание чинят по все годы. И от того [обим государствам] многие чинятца убытки, а прошлого году, как я шел,— писал Мохаммед Хосейн хан-бек,— в Астрахань и в то время терской житель гиянец Мурза Фралей с судном своим шел позади моего судна, а в том ево судне...» находились товары шаха, посланные с купчиной, и товары других купцов, «на какие товары есть список их... и воровские казаки то судно взяли... и все разграбили...». Иранский посол, комментируя документ, добавил, что, услышав про этот грабеж, «многие торговые люди в прошлом году, опасаясь того, никто не пошел с товары своими в Астрахань. И ныне никто не будет, буде⁵¹ те воровские казаки на том месте будут жить» [2, 34, 35].

⁵⁰ До п р а в и т ь — взыскать насильно [18, I, 705].

⁵¹ «Никто не будет, буде» — никто не придет в Астрахань, если...

Заслуживает внимания в этом письменном документе и жалоба на притеснения иранских торговых людей астраханскими властями. Интересно, что посол выступал с защитой не только иранских, но и индийских купцов. Он писал, что у приехавших из Ирана купцов «у армян, индейцев... есть долговые кабальные⁵² и бескабальные денежные взятки⁵³ на русских людей». Конкретные факты этих претензий посол обещал прислать дополнительно, так же как и претензии шаховых дворян его посольства, имущество которых пропало в дороге [2, 39].

Вторая конференция состоялась 2 апреля 1692 г. Состав ее был тот же, за исключением Б. В. Бутурлина.

Приезд и прием посла в Кремле был такой же торжественный, как и 31 марта, за небольшими изменениями. Выпроводив лишних людей, П. В. Шереметев сказал, что ему приказано дать ответ иранскому послу по семи пунктам его заявлений [2, 47—49].

При этом следует отметить несовершенную технику ведения переговоров, когда обсуждение велось не по отдельным пунктам повестки переговоров, а каждая из сторон высказывалась по всем пунктам подряд, после чего другая сторона отвечала в таком же порядке. Так, после того как бояре ответили на все семь пунктов иранского посла, они добавили к ним еще три претензии, после чего иранский посол выступил с ответной речью.

Во избежание повторов и длиннот, связанных с такой системой переговоров, дальнейшее изложение апрельской конференции будет дано в порядке обсуждаемых вопросов.

1. По первому заявлению иранского посла о дружбе и поздравлении с восшествием на трон боярин Шереметев сказал, что все это, включая и подарки от шаха Сулеймана, великие государи «приемлют в любовь и желают с его шаховым величеством быть в братцкой дружбе и любви ...[а]... когда время тому дойдет, [послов] послать изволят», на что Мохаммед Хосейн хан-бек ответил, что об этом устно доложит шаху [2, 51, 59].

2. По вопросу о возврате имущества Христофорова Шереметев сказал, что государи благодарят шаха за принятые меры и «приемлют [их] в братцкую дружбу и любовь...», обещая «впредь взаимно воздавать такую же дружбою...» [2, 51].

При этом посол поинтересовался, переданы ли вещи Христофорова его семье, на что Украинцев ответил утвердительно [2, 59, 60].

3. По делу купчины Шамшеева Шереметев сообщил послу, что государи велели ему передать, чтобы посол прислал точные данные о том, кто и сколько должен Шамшееву, после чего будет дано распоряжение о розыске и взыскании, а что взыщут, то передадут иранскому послу. При этом Шереметев повторил прежние заявления русской стороны о том, что Шамшеев «неистово» торговал запрещенными товарами — вином и табаком, а «животы свои прожил и от пьянства умре» [2, 51, 52]. Оставшееся после него имущество было отправлено с его людьми в Иран. Что же касается заявления Шамшеева, что он дал индейцу — астраханскому жителю Итенгену 1200 руб. и послал его в Китай для торговли, но на границе Итенген был убит Аджи Талибом, который, забрав его товары, уехал в Китай, а по возвращении оттуда проживает где-то в Сибири, на что Шереметев ответил, что русским властям ничего по этому делу не известно. Также неизвестно, где проживает Аджи Талиб, вследствие чего разыскать его в Сибири «вскоре невозможно». Но вместе с тем Шереметев заявил, что будет дан указ

⁵² К а б а л а — письменное долговое обязательство [18, I, 1169].

⁵³ В з я т к и — в данном случае требования, претензии.

«как возможно того иноземца сыскать» и то, что найдут у него, возвратят [2, 52]. Относительно же заявления Шамшеева, сделанного им в свое время, что таможенный гость в Астрахани Андрей Лузин взял с его товаров пошлину, Шереметев сказал, что этого не могло быть, так как с шаховых товаров пошлина не взимается «и ныне [ее] не емлют». Но, невзирая на это, будет дано распоряжение «справитца с астраханскими записными таможенными книгами» [2, 53].

Что же касается утверждений иранского посла об убийстве Шамшеева в Москве, то это неверно. По словам Шереметева, Шамшеев умер «своею смертью» и русские люди его имущество не захватывали, так как купчина жил только со своими людьми. К тому же, добавил Шереметев, челобитья об убийстве Шамшеева «ни у кого не было». На это Мохаммед Хосейн хан-бек ответил, что сообщит об этом шаху, но просил, «что возможно сыскать. Также и на русских людях, что есть... доправить» [2, 62, 63]. Из последнего заявления иранского посла видно, что он остался при своем мнении, что Шамшеева ограбили и убили.

4. О разбойничанье казаков на Каспийском море Шереметев передал послу обещание русского правительства о посылке указов, чтобы направили «неотложно» ратных людей для искоренения разбойников [2, 54]. При этом Шереметев потребовал, чтобы со стороны иранских властей ближних районов побережья Каспийского моря «над теми воровскими казаками есть ли они пристанут где в шаховой области для воровства... [промыслы⁵⁴ были сделаны, тогда] тот путь будет очищен» [2, 54]. Иранский посол ответил, что это уже делается иранскими властями. Так в прошлом году группу «воровских казаков», выброшенных с судном на иранский берег, шах Сулейман приказал казнить, а впредь указал, «чтоб те казаки в ево шаховой области пристанища не имели» [2, 64, 65].

5. По делу о «бесчестье» посольства в Астрахани иранскому послу сказали, что решено «послать свой государский указ в Астрахань наскоро...» и о результатах сообщить послу [2, 54].

Это астраханское дело заслуживает внимания не только потому, что характеризует обычаи и нравы русской провинциальной военной среды конца XVII в. с их грубостью и самодурством, но также распущенность членов иранского посольства, избивавших русских людей, невзирая на их чины и положение. Поэтому небезынтересно несколько подробнее осветить имеющиеся в архивном деле материалы о допро-сах главных виновников — подполковника Матвея Иванова, его дяди — полковника стрелецкого полка Ивана Нечаева и свидетелей — астраханских приставов при посольстве полковника Григория Кохановского и Максима Заманова, а также и астраханского толмача Якова Дементьева. Последние трое были допрошены в Москве, очевидно, во второй половине марта 1692 г.

В деле имеется справка о том, что «отписок» из Астрахани по этому вопросу в Казанском дворце⁵⁵ не было [7, 492, 493]. Последнее говорит о том, что астраханские власти не очень спешили «выносить сор из избы» и не сообщили о таком вопиюще безобразном поведении своих стрелецких начальников.

Несмотря на довольно обширный и бесспорный материал, убедительно показывающий грубое нарушение Матвеем Ивановым и Ивановом

⁵⁴ Промыслы — военные действия. Промышлять — нападать, осаждать [16, 11, 1227, 1228].

⁵⁵ Казанский дворец в конце XVII в. управлял Астраханью. Права самостоятельной губернии Астрахань получила несколько позже. Первым ее губернатором был назначен Петр Артемьевич Волюнский в 1719 г. после возвращения из Ирана в 1718 г.

Нечаевым территориальной неприкосновенности помещения и членов иранского посольства и их произвол и самодурство, московские власти воздержались от окончательного решения по этому делу до опроса Иванова и Нечаева как главных обвиняемых.

Суть дела такова. Мохаммед Хосейн хан-бек в своем письменном заявлении сообщил, что на двор посольства въехал верхом на лошади Матвей Иванов. Львовщики предупредили его, чтобы он не подъезжал близко к лвам, привязанным к забору, так как они могут на него наброситься. Иванов стал бить львовщиков плетью, а своим стрельцам приказал «бить обухи и палками» слуг посла, в результате чего «головы [им] проломали». В это время на двор посольства пришли четыре шахских дворянина, которых стрельцы также «у моих ворот били и головы проломали и руки изломали. И от того бою четыре человека дворяня лежали при смерти, а что в том бою пропажи учинилось шаховым дворяном и тому у меня есть роспись» [2, 36, 37].

Упомянутые выше свидетели дополняют и несколько изменяют эту картину. По свидетельству пристава Заманова, Иванов хотел взглянуть на львов. С этой целью он подъехал ко двору посольства «для просмотра зверей, львов». Но его, по приказанию посла, во двор не пустили. Матвей Иванов обратился за помощью к своему дяде Ивану Константиновичу Нечаеву, который и «послал к нему, Матвею, на помощь стрельцов и денщиков, а [и] велел к послу на двор взломитца [на] сильно» [7, 493].

В это время ко двору посольства подошли четыре шахских дворянина, которых «он де Матвей, осердясь за то, что ево на двор смотреть зверей не пустили, почал тех шаховых дворян бить плетью. И стрельцом и деньщиком велел [их] бить палками и дубьем и те... били дубьем до полусмерти».

Особенно непривлекательна в этой истории роль полковника И. Нечаева, проживавшего рядом с иранским посольством. По словам того же Заманова, наблюдая за действиями своего разбушевавшегося племянника, вместо того чтобы унять его, Нечаев «велел бить тех [шаховых] дворян гораздо... и велел [также]... тем стрельцом шаховых дворян грабить. И те стрельцы [из]бив тех дворян до полусмерти, чалмы и кушаки и кинжалы пограбили и поотняли и ис кармана деньги побрали».

Более того, во время этой сцены Нечаев и Иванов «персидского посла бранили... всякою скаредною бранью многожды. И говорили, если б де и сам посол вышел и мы б де ево также б подчивали» [7, 493, 494].

К этому следует добавить свидетельство астраханского толмача Якова Дементьева, находившегося в это время на посольском дворе. Он показал, что когда во двор посольства въехал «полуполковник Матвей Иванов... [посольские люди не только уговаривали], чтоб он на посольский двор на лошади не ездил...», но, когда он их не послушал, «за то де ево, полуполковника зашибли люди ево пословы дважды палкою, и он де, полуполковник на тех людей бил челом послу, а он, Якушко, толмачил. И он, посол велел тех людей сыскать. И в тож время на улице против посольского двора учинился крик и драка, и посол послал ево, Якушка проведать, какие люди дерутца...». Дементьев не видел, кто дрался, «только видел посольских людей зашиб[л]енных... а полуполковник де Матвей Иванов ему послу никаких невежливых слов при нем не говорил» [7, 494].

В ответ на обещание русских властей расследовать «астраханское безчестье» Мохаммед Хосейн хан-бек требовал, чтобы розыск производился не в Астрахани, где воевода «к тому Ивану Нечаеву и пле-

мяннику ево добр, а к нему, послу, не добр...», а чтобы туда был послан из Москвы «сыщик», иначе, говорил посол, «то де дело задлитца». А на астраханского воеводу, продолжал иранский посол, «положитца он не смеет, да и не токмо в сыску, но и ехать он назад чрез Астрахань при нем боярине и воеводе, опасен» [2, 66, 67]. Вследствие этого Мохаммед Хосейн хан-бек просил издать указ, чтобы ему возвращаться в Иран не через Астрахань, или «его проводить с Москвы до Астрахани и... за море нарочному провожатому...» [2, 67].

В связи с этим следует отметить, что принимал иранского посла 7 августа 1691 г. в Астрахани воевода Н. И. Приемков-Ростовский, а провожал из этого города в Москву 27 сентября того же года Петр Иванович Хованский, просидевший на этом месте свыше 3-х лет [10, 6]. Поэтому трудно судить, на кого жаловался иранский посол, возможно, что все ж на первого, так как Посольский приказ поручил расследовать это дело о бесчестье посольства астраханскому воеводе П. И. Хованскому. В изданном по этому поводу указе о преступлениях Нечаева и его племянника говорилось как о фактах, не подлежащих сомнению. В указе сказано: за то, что «того шахова посла бесчестили, а дворян шаховых били и грабили, и за то бесчестье и за бой Ивану Нечаеву и племяннику ево Матвею учинить по нашему, великих государей, указу и по соборному уложению, а грабленное (на сумму 121 рубль) все против челобитья доправя на них отдать шаховым дворяном». При этом указ потребовал от Хованского объяснить, почему они «о том посольском бесчестье... не писали и в Астрахани о том не розыскали...», а о том, что «по розыску учините и о том к нам, государем писать...» [6, 375, 376, 378]. К сожалению, в делах о посольстве Мохаммеда Хосейн хан-бека не сохранилось документов о том, чем все это дело закончилось.

6. По пункту шестому об обидах торговых людей — персидских поданных — в Астрахани послу было сказано, что русскому правительству о том «неизвестно» и «челобитий не было»; будут челобитья, тогда будет издан указ царя о розыске тех дел [2, 55].

По этому пункту Мохаммед Хосейн хан-бек 2 апреля ничего не сказал, но несколько позже подал в Посольский приказ письменную жалобу, в которой привел много фактов обид, нанесенных иранским торговым людям, подкрепленных челобитьями на притеснения со стороны русских властей. Среди них была и жалоба Мохаммеда Хосейн хан-бека на кражу у него в Саратове личных вещей.

7. По пункту о кормовых деньгах Мохаммеду Хосейн хан-беку вежливо указали, чтобы отпускаемым ему по 30 руб. на день «он бы посол тем государским жалованьем кормом довольствовался». При этом ему разъяснили, что продукты питания в Москве дешевы и что 30 руб. даются «по оценке съестного корма», к которой «учинена и прибавка многая». Поэтому «он бы, посол тот корм принимал и больши той прибавки ему не будет». В подтверждение был приведен пример с иранским послом «Магметь Усейн бек», проезжавшим через Москву в Польшу в 1674—1675 гг., которому «давали корм съестной же, а не денежной» [2, 55, 56].

Приведа этот пример, бояре, очевидно, хотели предложить Мохаммеду Хосейн хан-беку получать корм не деньгами, а натурой, как получал его однофамилец 15—16 лет тому назад, что, по-видимому, посла не устраивало.

Несмотря на эти разъяснения и категорический отказ в надбавке, Мохаммед Хосейн хан-бек счел для себя возможным еще раз обратиться с просьбой о прибавке, мотивируя ее такими доводами, что «при дворе... [шаха] корм [русским послам] дают довольно...» и что у преж-

них иранских посольств в Москве «так много шахских дворян не было...» [2, 72, 73].

Ни то, ни другое доказательства иранского посла не отвечали истине. Выше говорилось уже, что почти все русские послы жаловались на невыдачу им кормовых денег или на их недостаточность. Что же касается численности свиты в посольствах, то у Мохаммеда Хосейн хан-бека она состояла из 63 человек, у посла Хаджи-бека (1634—1635) из 88, у Саран-бека (1641—1642) из 118, у Ага Асана (1644—1645) из 72 человек и т. д. [5, 76, 76об.].

Ответив 2 апреля 1692 г. на все поставленные иранским послом 31 марта вопросы, бояре, в лице думного дьяка Е. И. Украинцева, предъявили со своей стороны три претензии Мохаммеду Хосейн хан-беку.

Первая из них — извечный вопрос в русско-иранских взаимоотношениях — о русских людях, взятых в плен при набегах татар, которые «выходят ис полону ис турской земли и ис Крыму и ис Бухар и ис Кумык в персицкую землю. И тех полоняников в Персиде задерживают,— говорил Украинцев,— и в Московское государство их не пропускают, и ныне в персидской земле тех полоняников обретается многое число». Поэтому цари Иван и Петр приказали сказать послу, «чтоб его шахово величество по братцкой дружбе и любви... таких полоняников русского народу велел в государстве своем... сыскивать, а сыскав их, в [Русское] государство их... в Астрахань велел отпускать с провожатыми и со всяким вспоможением» [2, 56, 57]. Шахский посол ответил так же, как отвечали обычно иранские послы на такого рода претензию: формальным отрицанием задерживания в Иране русских полоняников, которым, по его утверждению, «в Персии де задержания никакова нет». А если и есть кто, то «те живут повольно⁵⁶, кто хочет живет в Персиде, а кто похочет тот на Русь идет» [2, 73, 74].

Обещая донести об этом шаху, иранский посол на основе взаимности потребовал, чтобы «и с стороны царского величества их, персицкого народу люди также свободно были в Персиду отпускаемы» [2, 75].

Вторая претензия — тоже достаточно старая — о непременно письменном оформлении списков шахских товаров, присылаемых с купчинами с печатью шаха для беспошлинного пропуска их в Русское государство. В связи с этим Украинцев напомнил послу, что и в предыдущих «грамотах... [царя] писано и в ответах...» русские послы говорили ближним шаховым людям, «чтоб... [шах], товаром своим, которые посланы будут с купчинами к Москве, изволил присылать за своими печатями росписи, чтоб купчины сверх шаховых товаров иных ничьих товаров беспошлинно не провозили». Бояре упрекнули Мохаммеда Хосейн хан-бека в том, что и прибывшие с ним два купчины, Зелебединов и Аджидатов, не представили таких списков шахских товаров и поэтому «сколько с ними... [шахских] товаров, тому они росписей не объявили...», хотя, говорил Украинцев, в «шахова величества в грамотах напредь сего писывано и посланником... [царским] сказано, что впредь росписи с купчинами присыланы будут» [2, 57, 58].

Несмотря на такое явное нарушение установленного порядка для провоза шахских товаров только по засвидетельствованным спискам с печатью шаха (кстати сказать, впервые такое обещание дал шах Аббас I русскому посланнику В. Г. Коробьину 26 мая 1623 г. и 2 июня того же года [1, 66, 70, 71]), московское правительство распорядилось не брать пошлин с товаров, привезенных купчинами Зелебединовым и Аджидатовым, но от Мохаммеда Хосейн хан-бека такие списки все же

⁵⁶ Повольно — по своей воле.

потребовали [2, 57, 58]. Посол ответил, что он не знает, есть ли у его купчин такие списки, но что у него их нет. Признав таким образом отсутствие засвидетельствованных списков на шахские товары, посол устно заверил, что привезенные с его посольством товары являются «те де шаховы и иных ничьих товаров для прокражи⁵⁷ пошлин с теми купчины нет» [2, 76].

Третий вопрос, поставленный боярами на конференции 2 апреля 1692 г.—о невыполнении Армянской компанией своих обязательств по жалованной им царем Алексеем Михайловичем в 1673 г. грамоте о монопольном вывозе шелка-сырца и других восточных товаров из Ирана в Европу через Русское государство. Думный дьяк Украинцев заявил иранскому послу: «Чтоб армяня с шолком сырцом и иными персиян товары в турскую землю не ездили» и туда бы шелк-сырец не вывозили, «а возили б через Астрахань к Москве. И чтоб для того шахово величество по братской дружбе и любви... велел в государстве своем послать по всем городом нарочные свои указы, чтоб тех армян в государство царского величества с товарами для торгового промыслу в порубежных городех ханы пропускали без задержания со вспомогательством безо всякой помешки». На это шахский посол ответил, что «о том их предложении до государя своего... донесет» [2, 58, 59, 79].

После этого посол попросил бояр подать ему претензии в письменном виде. Со своей стороны он передал им письмо с изложением фактов притеснений персидско-подданных астраханскими властями, обещая представить другие дополнительные челобитья несколько позже.

Бояре обещали послу после перевода его письма доложить государям. В заключение бояре сказали Мохаммеду Хосейн хан-беку, что его вскоре отпустят на родину «без задержания» и чтобы «о том бы он посол ведал и на отпуск готовился» [2, 80].

На это посол ответил просьбой: не торопить его с отъездом, так как оба купчины, приехавшие с ним, умерли, а оставшиеся вместо них сыновья по неопытности своей еще «не расторговались», поэтому посол просил, чтобы великие государи «поволили ему пожить на Москве покамест они товары свои продадут» [2, 82].

Обещая донести об этом государям, бояре высказали свое мнение, заявив, что дожидаться Мохаммеду Хосейн хан-беку купчин не стоит, тем более что его отъезд из-за этого «замешкается... и [поэтому] он бы их не дожидался, а готовился на отпуск» [2, 83, 84].

На этом конференция 2 апреля 1692 г. закончилась.

Однако 12 апреля Мохаммед Хосейн хан-бек еще раз обратился через своих приставов Конищева и Корелкина с просьбой довести до сведения думного дьяка Е. И. Украинцева, руководившего Посольским приказом, об его мотивированном заявлении об отсрочке его выезда из Москвы. Он повторил те же доводы, что сыновья умерших купчин — «люди молодые и верить им в тех товарах без себя [посла Мохаммеда Хосейн хан-бека] ему не мочно...», тогда как торговля в Москве трудная и у них «на Москве товаров никто не покупает и торгуют малою ценою... и по се число продали они товаров только рублей на десять...». При этом посол добавил, что русские «послы у шахова величества... живали в шаховой области сколько они похотят⁵⁸, так же [как] и куп-

⁵⁷ Прокражи пошлин — укрыться от пошлин, не уплатить их.

⁵⁸ Заявление посла не соответствовало действительности, так как в большинстве случаев русские посольства задерживались в Иране не по своему желанию, а по вине шахского двора, который то ли ввиду своей неповоротливости, то ли в силу тщеславия удерживал русские посольства при своем дворе. Во всяком случае, Иранскому государству это обходилось не так дорого, русские послы не раз жаловались на полную или частичную невыплату им кормовых денег.

пецкие люди», а он просит здесь задержаться, так как «он де тех купчин и товары [шаховы] на Москве после себя не оставит... [ибо] опасен в том от шахова величества на себя опалы...». Здесь же он дополнил просьбу об отсрочке его выезда ходатайством о выдаче ему кормовых денег по указу [6, 312—314].

Московское правительство пошло навстречу иранскому послу и отсрочило ему отпускную аудиенцию более чем на два месяца. Откладывая еще более отъезд посольства из Москвы означало бы зимовку его в Астрахани, так как морская навигация по Каспийскому морю с октября — ноября совершенно прекращалась до апреля — мая. Оставление же посольства до мая 1693 г. в Русском государстве привело бы к дополнительным, а главное, совершенно ненужным и излишним расходам на содержание иранского посольства.

После конференции 2 апреля и дополнительных заявлений Мохаммеда Хосейн хан-бека стало ясно, что у шахского посла не оказалось никаких серьезных государственных поручений, кроме формальных заверений в дружбе, поздравлений Ивана и Петра с восшествием на престол и помощи иранским купчинам в коммерческих операциях с шахскими товарами.

Пожалуй, самым серьезным поручением Мохаммеду Хосейн хан-беку было предъявление русскому правительству жалобы на повышение им пошлин и других налогов на товары иранских купцов.

Следовательно, посол не был уполномочен вести переговоры в Москве об отказе иранского правительства от участия в военных действиях против Османской империи. Его роль в этом вопросе свелась к технической передаче шахской грамоты с отказом.

Жалоб же иранских купцов, связанных с торговой практикой, в Русском государстве было много. Они заслуживают особого внимания потому, что характеризуют сущность русско-иранских торговых отношений последней четверти XVII в. Представляют они интерес еще и потому, что показывают быт и нравы русских провинциальных властей и их взаимоотношения с иранскими подданными. Так, в «Переводе с фарсовского письма каково подал в другом ответе⁵⁹ персицкой посол об обидных делех...» значится 12 неравноценных пунктов [2, 85—90]. Ясно видно, что это письмо составлено наспех, являясь кратким конспектом претензий иранских торговых людей, проживающих в Астрахани.

Чтобы этот документ не потерял своей оригинальности, он излагается в том порядке, в каком был составлен Мохаммедом Хосейн хан-беком. Однако во избежание повторов ответы русской стороны по претензиям иранского посла будут даны здесь после каждого пункта.

При этом следует отметить большую оперативность и точность, с которой русская сторона навела справки в Казанском дворце и дала ответы, в подавляющем числе благожелательные для иранской стороны. По получении справок на жалобы посла от 2 апреля 1692 г. «великие государи» слушали эти дела 16 мая вместе с боярами и «приговорили персидскому послу на предложение ево учинить ответ...», а кроме того, велели послать распоряжение того же 16 мая астраханскому воеводе. В нем указывалось «не велеть шахова величества подданных, всяких чинов людем сверх сего вышеписанного указу никаких убытков, разоренья и тесноты чинить» [7, 483—485].

Излагаем документ:

п. 1. С торговых людей Ирана в Астрахани «берут пошлины с хар-

---

⁵⁹ Т. е. на конференции 2 апреля 1692 г.

чевых запасов⁶⁰ и с килимов и с оберток, которыми бывает оберченъ таи⁶¹, а прежде сего с тех пошлин не имывано» [2, 85; 7, 479].

По п. 1 в справке Казанского дворца подробно перечислены указы Русского государства с 1671—1672 гг. боярам и воеводам о правилах осмотра ввозимых иностранцами товаров. В отношении же «харчевых» и обертки в тех правилах сказано: «брать ли пошлины — то не написано» [7, 479].

Поэтому 16 мая решено сообщить иранскому послу, что «таможенные головы» взимают те пошлины «по их великих государей указу как бывало напредь сего, а лишних... пошлин не емлют» [7, 483].

Это был отрицательный ответ на претензию посла Ирана.

п. 2. Также взимают в Астрахани «от лавок на месяц по рублю», тогда как прежде, писал Мохаммед Хосейн хан-бек, «бирывали только на отъезде по полуполтине». Поэтому просьба издать указ, «чтоб брали против прежнего».

Ответ бояр послу был также отрицательный. Послу было сказано, что оброчные деньги с лавок взимаются правильно, согласно указу из Москвы [2, 85; 7, 483, 484].

п. 3. Привозимый для личного потребления табак отнимают. Посол просил издать указ, чтобы не отбирали. Пожаловался посол и на то, что «берут в приказе от проезжей памяти⁶² за работу против прежнего втрое и вчетверо». Он просил взимать плату по-прежнему [2, 86].

В ответ «приговорено» сообщить иранскому послу, что велено разрешать ввозить табак на каждого человека по полпуда на месяц, а то, что будет ввезено сверх того, велено отбирать. При этом приказано объяснить послу, что до настоящего времени многие торговые люди, приезжающие из Ирана, наживались на незаконном ввозе табака, продавая его на рынке.

Относительно же излишней платы, взимаемой в астраханской казенной палате, Казанский дворец ответил, что ему неизвестно, «берут ли и что имывано... [в Астрахани]», о том в Казань из «Астрахани не писано» [7, 481].

п. 4. В четвертом пункте иранский посол жаловался на то, что русские люди теперь берут за привозимую воду из реки, объясняя это введением откупа на речную воду. Прежде же из реки воду брали все, кто хотел сам, бесплатно [2, 86]. Мохаммед Хосейн хан-бек получил ответ, что за воду взимают деньги правильно, так как она отдана на откуп [7, 484].

п. 5. Жалоба на введение новых поборов: «от бань персицких и от лавки, где лепешки пекут да от лавки ж, где кагве⁶³ варят, емлют наем...», тогда как прежде за это, сообщал иранский посол, «от тех мест найму не имано». Ответ на пятый пункт был аналогичным с приведенным ответом по четвертому пункту [2, 86; 7, 484].

п. 6. Жалоба на кощунство и надругательство над телами умерших мусульман, похороненных на татарском кладбище в Астрахани [трупы вырывают, «саваны сдирают», и «тела их едят собаки и свиньи»]. В результате, писал Мохаммед Хосейн хан-бек, многие торговые люди в Иране воздерживаются от поездки в Астрахань. Ответ по этому пункту был дан в общей форме, что «в Астрахань послан воеводе указ не допускать обид и тесноты [не] чинить» [2, 87; 7, 484].

⁶⁰ Харчевые запасы — провизия, ввозимая иностранцами для своего пропитания, в том числе табак и вино, принадлежащие к числу «заповедных», т. е. запрещенных к ввозу товаров. Сомнения всегда вызывали большие количества ввозимого табака и вин, которые впоследствии продавались частным лицам без оплаты пошлин.

⁶¹ Таи — тук товаров, вьюк.

⁶² Плата за регистрацию иностранных купцов в Казенной палате.

⁶³ Кагве — кофе.

п. 7. Жаловался иранский посол и на то, что раньше иранским подданным разрешали в Астрахани строить бусы⁶⁴, на которых они перевозили товары в Иран, и обратно в Астрахань, «а ныне в Астрахане бус делать не дают, а которые [иранцы] придут с бусами [то] и их к берегу не пускают». Посол просил восстановить прежний порядок.

В соответствии с решением от 16 мая 1692 г. бояре ответили Мохаммеду Хосейн хан-беку, что казною настроено много бус. «И для того персияном и впредь бус делать не доведется», о чем просили сообщить и шаху [2, 87, 88; 7, 484].

Однако посол не удовлетворился таким ответом и 15 июня поднял вопрос снова, ходатайствуя о разрешении купчине Ага Шамси построить в одном из низовых городов бусу для перевозки его товаров по Каспийскому морю из Гиляна в Фарабат⁶⁵. В ответном письме от 30 июня 1692 г. Посольский приказ подтвердил отказ, данный послу 16 мая. Письмо заканчивалось словами, что «ныне по указу великих государей, персидскому послу велено дать в Астрахане бусу на чем мочно [ему] поднятца» [7, 428—430].

п. 8. Жалоба на то, что с полковника Амир-бека в Астрахани взяли 57 руб. 6 алтын и 4 деньги в виде таможенной пошлины за «одно небольшое» место товаров «для дорожного харчу». Посол просил вернуть полковнику деньги, так как с посольских людей в Русском государстве никогда пошлин не брали.

Бояре сообщили Мохаммеду Хосейн хан-беку, что согласно решению великих государей 16 мая 1692 г. послан указ астраханскому воеводе о возврате Амир-беку этих денег, если товар действительно принадлежал ему. Чем кончилось это дело — неизвестно. Возможно, что здесь был типичный случай провоза табака под видом «харча» для личного потребления, вследствие чего он и был обложен ввозной пошлиной [2, 88, 89; 7, 485].

п. 9. Иранский посол просил дать распоряжение о розыске нескольких мест товаров трех членов посольства, стоимостью в 645 руб., которые были случайно отправлены с пристани Низовой в августе — сентябре 1691 г. отдельно от вещей посольства и до сих пор не разысканы в Астрахани⁶⁶.

Документы в делах посольства Мохаммеда Хосейн хан-бека свидетельствуют о безрезультатности розыска этих трех мест товаров, несмотря на многочисленные расспросы разных лиц. Создается впечатление, что эти три места не были погружены на пристани Низовой на струг. Указом от 16 мая 1692 г. предписано допросить в Казани Степана Ежова и кормщика этого струга. Результаты этого допроса не нашли отражения в делах указанного посольства [7, 465—468].

Из этого следует и другое: что каждый из членов посольства, едущий из Ирана в Русское государство, стремился «заработать» на беспошлинном ввозе своих товаров под видом имущества посольства.

п. 10. Излагалась просьба иранского посла передать ему членов семей (жен, детей и других родственников) торговых людей персидско-подданных, умерших на территории Русского государства, а также ремесленников и всяких других «должных людей» [2, 90]. Ввиду того что конкретных фактов, имен и местожительства этих лиц посол не представил, бояре потребовали у него эти данные. Лишь 16 июля Мохам-

⁶⁴ Б у с а — морское плоскодонное судно.

⁶⁵ Фарабат — порт в Мазандеране, немного западнее Астрабадского залива, связанный дорогой с Ашрефом и Сари, летняя резиденция шахов.

⁶⁶ Товары первого дворянина посольства, Мирзы Мохаммед-бека, на 273 руб.; второго дворянина, Ак Берди Ага, — на 244 руб. и третьего — Абл Касим-бека — на 128 руб. [7, 463].

мед Хосейн хан-бек прислал в Посольский приказ письмо с указанием пяти персидских подданных, проживающих в Казани, двух — в Козьмодемьянске, двух — в Чебоксарах и 22 человек в Астрахани, которых просил отпустить в Иран. На письме имеется отметка, что от этих лиц не поступало челобитий об отпуске их в Иранское государство. Поэтому просьба иранского посла обсуждалась 30 июня 1692 г., в результате чего думный дьяк «Е. И. Украинцев с товарищи приказал в отпуску тех людей персидскому послу отказать для того, что пришли те люди в сторону великих государей собою [т. е. добровольно] и поженились на жонках и девках тех городов и об отпуске своим [в Иран] челобитья их к великим государем не бывало и нет».

Возникал юридический вопрос: становились ли русские подданные — женщины, вышедшие замуж за иранцев, и их дети — механически подданными шаха? Как видим, Посольский приказ не признавал этого, требуя специального ходатайства от этих женщин о признании их персидскоподданными.

п. 11. Просьба иранского посла направить указ саратовскому воеводе, чтобы он возвратил посольским людям украденное у них при проезде через этот город имущество. Стоимость его посол определил в дополнительно присланном письме в 60 руб. 21 алтын и 4 деньги.

Указом от 16 мая 1692 г. саратовскому воеводе предписано разыскать это имущество и вернуть посольству [2, 90].

п. 12. Жалоба на обиды и притеснения иранских подданных астраханскими властями.

В подтверждение жалобы Мохаммеда Хосейн хан-бек представил 11 апреля несколько мелких заявлений, не представляющих интереса. Например, жалоба шемахинца Мохаммеда Касима на то, что его иск «по кабале» с индейца Набир-бале на 200 руб. удовлетворен лишь на 100 руб., а остальные 100 руб., взысканных по суду, задержал астраханский воевода и не отдал истцу. Жалобщик просил возвратить ему 100 руб. Указом от 16 мая предписано астраханскому воеводе взыскать с Набир-бале 200 руб. и передать их Мохаммеду Касиму [7, 476, 477].

Другое дело о притеснениях астраханским воеводой И. Ф. Волынским пяти ираноподданных во главе с купцом Мохаммедом Анат-беком относится к 1675—1676 гг. Суть заключалась в том, что Волынский не разрешал им выгружать привезенные ими товары. Когда же они их выгрузили, он товары опечатал. В результате, как писали жалобщики, губернатор эти товары «многое время держал под караулом...» и они испортились. В конце концов Волынский разрешил снять печати, но за взятку в 100 руб., которую и получил его человек — Астафий [7, 476]. Иранский посол просил возвратить эти 100 руб.

По обоим этим делам, Анат-бека и Касима, указом от 16 мая 1692 г. было приказано «взять у боярина И. Ф. Волынского скаску [устное объяснение] о 200 руб., что взял у шаховых подданных» [7, 477]. В своем объяснении от 27 мая того же года Волынский отрицал получение этих денег.

Третья претензия, наиболее крупная, сводилась к тому, что в 7184 г. (1675—1676) под Терками⁶⁷ калмыки ограбили на 1300 руб. севшее на мель судно с товарами шести иранских купцов — Гуняша Дербентца и др. В сделке с калмыками жалобщики обвинили стрелецкого сотника Фому Ярославцева, сопровождавшего судно, который с товарищами «при них с... калмыками разделили [товары] и по себе разобрали» [7, 469].

⁶⁷ Терки — военно-административный центр пограничной области Русского государства на Северном Кавказе. Расположен в устье р. Терек. Отсюда название города — Терки, Терск, Терский.

Допросы в Астрахани результатов не дали. Фома же Ярославцев в Москве показал, что товаров этих купцов он на судне не видел, а знает лишь, что с ними было «небольшое число» из рухледи⁶⁸. Он рассказал, что судно их около урочища Челеном выбросило на берег, где они замерзали. Здесь на них напали калмыки и черкесы. Его, Фому, связали, и о чем вели переговоры калмыки с иранскими купцами, он не знает.

Указом от 16 мая 1692 г. бояре решили допросить стрельцов в Астрахани [7, 470—472]. Последующие результаты неизвестны.

На этом переговоры Мохаммеда Хосейн хан-бека с русским правительством в 1692 г. закончились. Из них видно, что иранское правительство не поручало ему вести какие-либо политические переговоры, дав лишь задание передать в Москве шахскую грамоту с отказом Сулеймана выступить против Османской империи. Русская сторона также не поднимала этого вопроса, считая ответ шаха окончательным для данного момента.

Во время переговоров 31 марта, когда иранский посол должен был «на ответе» сказать, что шах ему поручил устно передать русскому правительству, Мохаммед Хосейн хан-бек поставил перед боярами пять вопросов, из которых лишь первые два (об имуществе переводчика Христофорова и иранского купчины Шамшеева) шах действительно поручил ему. Остальные вопросы он поставил в связи со своим пребыванием на территории Русского государства, т. е. по собственной инициативе. Кроме этих дел, иранский посол заявил, что о других делах «приказу ему нет» [2, 26, 27].

На второй конференции 2 апреля 1692 г. бояре дали иранскому послу ответы на поставленные им 31 марта вопросы. После этого он 12 апреля представил в Посольский приказ письмо с 12 жалобами на обиды и притеснения иранских торговых людей русскими властями. Эти жалобы также следует отнести к категории вопросов, поставленных самим Мохаммедом Хосейн хан-беком. Это были более или менее мелкие текущие претензии, связанные с торговой практикой иранских торговцев в Русском государстве. Среди них заслуживают внимания массовые жалобы иранцев на увеличение в России налогов, поборов и сборов, которые были следствием реформаторской деятельности правительства Петра I, требующей много средств, например, на создание промышленных предприятий, новой армии и нового вооружения для нее, постройки флота и т. д.

Большой интерес представляет политика русского правительства по монополизации судоходства на Каспийском море, неуклонно проводившаяся на всем протяжении XVII и XVIII вв. и завершившаяся Гюлистанским и Туркманчайским трактатами 1813 и 1828 гг.

Из жалоб на местные, главным образом астраханские, власти следует, что, несмотря на централизаторскую деятельность петровского правительства и стремление к ограждению собственности промышленников и купцов, оно не могло справиться с проявлением на местах взяточничества, произвола, а зачастую самодурства и других незаконных действий даже в отношении иностранцев, охраняемых специально изданными законами.

Изучение архивных материалов, относящихся к посольству Мохаммеда Хосейн хан-бека, дает основание утверждать, что русское правительство в лице Посольского приказа стремилось к более или менее объективному рассмотрению жалоб иранских подданных, тем более по-

⁶⁸ Рухледь, рухлядь — движимое имущество, пожитки, товары [18, III, 199].

сольства Иранского государства. Другое дело, что ему не всегда удавалось доводить свои решения до конца, так как оно не везде и не всегда еще было в конце XVII в. полновластным хозяином на местах, особенно на таких далеких окраинах, как Астрахань или Терки.

Из выдвинутых в переговорах с иранским послом Мохаммедом Хосейн хан-беком русской стороной вопросов в первую очередь должны быть отмечены три. Первый — о русских полоняниках, десятки и сотни тысяч которых изнывали в рабской неволе не только в Турции, Крыму, Бухаре, Хиве, но и в Иранском государстве. К сожалению, дальше обещаний иранские шахи и их посланцы не шли, когда перед ними ставился этот вопрос, так как они не были заинтересованы в возвращении своей «собственности».

Второй вопрос, имеющий большую давность, — вопрос о злоупотреблениях иранских купчин, беспощинно провозивших свои товары под видом шахских. Русское правительство пыталось через Мохаммеда Хосейн хан-бека еще раз воздействовать на шахское правительство, требуя снабжать иранских купчин засвидетельствованными соответствующим образом списками товаров, но безуспешно. Как всегда, так и в данном случае русские власти проявили обычную терпимость: требуя списки товаров с печатью шаха и не получив их, здесь же разрешили беспощинный провоз всего того, что выдавалось на словах за шахские товары. Оба купчины, прибывшие с Мохаммедом Хосейн хан-беком, так и не представили этих списков, выдав все привезенные ими товары за шахские, тогда как не было сомнения в том, что какая-то часть товаров была их собственностью, ибо именно в этом и заключалась их «корысть», из-за которой они пускались в такой длинный, трудный и опасный путь.

И последнее, что заслуживает быть отмеченным в переговорах 1692 г. Мохаммеда Хосейн хан-бека в Москве, — это обращение русского правительства к иранскому правительству с просьбой заставить Армянскую торговую компанию выполнять ее обязательства о вывозе всего иранского шелка-сырца в Европу только через Россию.

Безрезультатность этого и сделанных ранее таких же обращений к шахскому двору объясняется не столько злой волей или нежеланием шаха Сулеймана, хотя он и не был особенно заинтересован сориться из-за этого с турками, сколько неправильными расчетами русских государственных деятелей, наивно полагавших, что шах может приказать армянским купцам вопреки их коммерческим интересам не вывозить шелк-сырец через Турцию в Алеппо и заставить их силой экспортировать шелк через Россию, несмотря на, казалось бы, явную выгодность последнего транзитного пути.

Вопрос, почему так это происходило, ждет еще своего исследователя.

Из этих переговоров Мохаммеда Хосейн хан-бека можно сделать общий вывод, что бесплодность их в конечном счете была обусловлена феодально-крепостническими порядками, господствовавшими в экономике и государственном строе и в жизни обоих государств.

Несмотря на разрешенную русским правительством двухмесячную отсрочку отъезда Мохаммеда Хосейн хан-бека из Москвы, данную ему в середине апреля, 11 мая 1692 г. состоялся «отпуск» (прощальная аудиенция) его посольства. Об этой церемонии в делах архива сохранились два документа: программа аудиенции и отчет о ее проведении [7, 452; 5, 89об.—95об.].

Проведена она была так же торжественно и пышно, как и приемная аудиенция 17 марта 1692 г., начиная с предоставления послу царской «кореты о шести возниках» [7, 431], а дворянам посольства

45 лошадей с царской конюшни [5, 89об., 90] вплоть по распоряжение «быть на стойке стрельцом стоять...» и встречи в Грановитой палате и т. д. Оба царя, Иоанн и Петр, были «в диадимах с скифетры...», т. е. в своих парадных одеяниях со всеми атрибутами царской власти [7, 452]. Думный дьяк Украинцев произнес, обращаясь к царям, речь, выдержанную в стиле XVII в., с возвеличиваниями их, но с сокращенным титулованием: «Пресветлейшие и державнейшие великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя России самодержцы и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичи и дедичи и наследники и государи и обладатели, брата вашего великого государя Сулейман шахова величества посол юзбаша Усейн хан-бек вам, великим государем, челом ударил и на вашем, царского величества, жалованье на поденном корму челом бьет. И посол бьет челом на их государском жалованье на корму» [7, 453, 454].

После этого представления Украинцев, обращаясь к иранскому послу, произнес: «Шахова величества посол, великие государи и царские величества жалуют тебя — велели спросить о твоём здоровье» [7, 454]. После ответа посла его усадили на скамейку. Через некоторое время Украинцев начал «говорить речь» от имени государей. Он повторил в ней титулование царей, после чего сказал, что ему велено передать послу, что его посла шаха Сулеймана, присланного «с любительными грамотами и с поминками и великие государи... тебя, посла пожаловали — велели принять милостиво, и свои... [государевы] очи видеть вскоре и грамоты... и поминки велели принять и посольства выслушали любительно, а в грамотах своих к ним [царям]... шахово величество писал, что для обновления и утверждения древней дружбы и поздравляя их, великих государей на престоле российского царствия, послал тебя, посла своего. И великие государи... тою твою... посольскую присылку приемлют в любовь и хотят с его шаховым величеством быть потому ж в братцкой дружбе и любви и в любительных пересылках по прежнему. И желают его шахову величеству на государствах его многолетнего здоровья. А о которых делех по наказу шахова величества ты их царского величества ближним бояром и думным людем, будучи на разговорах, объявлял, и о тех делех ближние бояря и думные люди до их царского величества доносили и ответ тебе на те все дела указали великие государи дать на письме. А ныне они, великие государи, отпускают тебя посла к его шахову величеству в милость своей государской и посылают с тобой свою, царского величества, грамоту» [7, 454—458].

Ответную грамоту от царей Украинцев вручил иранскому послу, который «поднял [грамоту] выше челмы и, поцеловав в печать, держал с боими руками честно до тех мест [пор] дондеже [пока не] позван к их, государской руке...».

Потом государи приказали, «встав не снимая шапок...», думному дьяку поздравить шаха: «как будешь [посол] у брата нашего Сулейман шаха и ты ему от нас поздравь».

Украинцев объявил о царских подарках послу: «шуба отлас золотной, шапка лисья, кубок серебрян, золочен с кровлею [с крышкой]» [7, 458—460; 5, 93об., 94]. Иранский посол поблагодарил государей, после чего Украинцев объявил «шаховым дворяном и посольским людем... жалованье от казны...», но в чем оно заключалось, не сказал. В отличие от обычного порядка, когда шубу только клали около посла, в данном случае ее «надевали... на посла... казенные дьяки Дмитрий Степанов да Роман Смирнов...» [7, 460; 5, 94].

Следующее «пожалование» заключалось в приглашении Украинце-

вым членов посольства к целованию руки Иоанна и Петра. Думный дьяк говорил перед этим: «Шахова величества посол и дворяне, великие государи... жалуют вас к своей государской руке...» [7, 460]. Эта процедура на «отпуске» происходила в несколько видоизмененном виде по сравнению с приемной аудиенцией: прикладывался к правой руке Иоанна и Петра лишь Мохаммед Хосейн хан-бек, а члены посольства целовали «престольную ступень, на которой были их государские ноги...», во время чего над всеми «прикладывавшимися» великие государи «надносили руки»⁶⁹ [5, 94об.].

Следовательно, иранского посла и членов его посольства и на приемной и на прощальной аудиенциях приглашали к целованию руки, но посол и его люди, считая себя «недостойными», ограничивались целованием полы царской одежды и даже подножия престола у ног царей.

Это важно отметить потому, что шахский двор всегда добивался от русских послов, посланников и гонцов выполнения ими их церемониала, т. е. целования ноги шаха, что приводило всегда к спорам и протестам со стороны русских дипломатов, категорически отказывавшихся от этого унижительного, как они считали, обычая из азиатского (татарского) дипломатического церемониала.

Когда и эта процедура закончилась, Мохаммед Хосейн хан-бек и его люди были пожалованы «от... государского стола ествою [едой] и питьем» [7, 461].

На этом «отпускная» аудиенция закончилась, и посол был отпущен к себе «на подворье».

Видимо, Мохаммед Хосейн хан-бек так беспокоился о судьбе оставляемых им в Москве двух купчин с шахскими товарами, что вопреки обычаю «после отпуску... бил челом и говорил, [что] остаютца де от него, посла на Москве... купчин два человека с шаховыми товарами для продажи...». Посол просил позволить им торговать «повольно» и «во всем их оберегать...», а после продажи ими товаров и покупки нужных изделий «для шахова обиходу...» отпустить их в Иран, что ему и было тут же обещано; после чего посол поклонился и вышел из палаты [5, 95, 95об.].

Ответная грамота к шаху Сулейману сохранилась в делах ЦГАДА в виде черновика с массой поправок, поправок и перечеркиваний. По содержанию она аналогична грамоте Сулеймана и не выходит за пределы обычного формального выражения пожеланий дружбы [7, 600—606].

Посольство Мохаммеда Хосейн хан-бека выехало из Москвы 18 июля 1692 г. [7, 420].

Его выезду предшествовали многочисленные меры Посольского приказа по организации быстрого, безопасного и удобного проезда посольства от Москвы до Астрахани и отправки из этого города в Гилян. Маршрут был назначен обычный: Москва-река, Ока, Волга через города: Коломна, Переяславль Рязанский (Залесский), Касимов, Муром, Нижний Новгород, Козьмодемьянск, Свияжск, Казань, Белый Яр, Самара, Сызрань, Саратов, Царицын, Черный Яр и Астрахань.

Для большей безопасности Мохаммед Хосейн хан-бек потребовал еще 2 апреля от Посольского приказа «немалое число... ратных людей... с пушками и с ружьем, чтобы ему не учинилось от них [разбойников] какова разоренья». Если же, продолжал посол, будет там много казаков, что проехать будет невозможно, тогда, просил он, переждать ему «быть в Астрахани... [где] дали бы ему постоянные дворы в городе...» и охраняли бы его до тех пор, пока не будет на море воровских каза-

⁶⁹ Надносили руки — накладывали руки на склоненные головы.

ков. Грамоту обо всем этом астраханским воеводам он требовал выдать ему на руки [7, 421].

Обратный путь от Москвы до Астрахани посольство проделало в семи стругах. Московские суда в Казани были заменены на «вятцкие струги», а от Астрахани «за море [приказано было] дать... бусу на чем мочно поднятца и отпустить ево... с провожатыми против прежних же отпусков» [7, 382].

Еще 30 мая 1692 г. Посольский приказ дал распоряжение казанскому воеводе Петру Аврамовичу Лопухину «не мешкая» отправить из Казани в Астрахань иранское посольство в составе 30 шахских дворян и 73 человек обслуживающего персонала, т. е. всего 104 человека. Приставом от Москвы до Казани был назначен стольник Федор Зеленой, а «для береженья и караулу послано с ним» до Переяславля Рязанского 40 стрельцов⁷⁰ [7, 389, 394]. Начальником охраны был назначен стольник и полковник Сергеев. На продовольственные нужды посольства Зеленому было отпущено 300 руб.

Все эти назначения «высокого чина» людей для обслуживания посольства говорят о большом уважении московского правительства к Ирану.

Кроме того, Лопухину было предписано: 1) поставить иранского посла и его людей «на добрых дворах, на которых напредь ево в Казани персидские послы стаивали»; 2) при отправлении из Казани «дать струги добрые, вятцкие»; 3) до Астрахани пристава дать «доброе» вместо Ф. Зеленого. А главное, предписывалось не задерживать посольство, чтобы оно этим же летом выехало из Астрахани за море, т. е. чтобы «в Астрахани б ему, послу не зазимовать, и чем нашей... казне в кормовых [деньгах] многих убытков не учинить». Подчеркивалось также в указе: дать достаточную охрану, чтобы посольство могло доехать до Ирана «здорово и бесстрашно» [7, 389, 390].

Однако иранский посол, ревниво наблюдавший за всеми распоряжениями в связи с его отъездом, потребовал увеличить число гребцов с семи до двенадцати человек на струг и дать дополнительного «поносовщика»⁷¹, без которых, по его мнению, на стругах «плыть... опасно». Посольский приказ 31 июня отказал Мохаммеду Хосейн хан-беку в его просьбе, разъяснив, что «скольким кормовщиком и гребцом быть на тех стругах» положено, столь и дано, а «сверх того... [никаких] прибавок кормовщиков и гребцов дать не велено».

Выезд иранского посольства из Москвы 18 июля 1692 г. был обставлен торжественно и пышно. Описание его в делах ЦГАДА не сохранилось. Известно лишь, что указом Иоанна и Петра боярину Ивану Борисовичу Троекурову предписывалось «от посольского двора до Москвы реки и до стругов быть стрельцом двух полком з знамены и з барабаны...», как провожали прежних послов Ирана. «Для бережения...» до Переяславля и Нижнего дано 40 стрельцов. Этим же указом назначалась охрана из десяти стрельцов для остающихся в Москве двух купчин [7, 394, 420, 431].

Можно считать, что путешествие посольства Мохаммеда Хосейн хан-бека от Москвы до Астрахани и отправка его из этого города в Иран прошли без каких-либо происшествий, так как в противном случае не обошлось бы без жалоб и протестов со стороны Мохаммеда Хосейн хан-бека, не отличавшегося, как видим, особой скромностью. Известно лишь, что посольство благополучно добралось 23 июля до Нижнего Новгорода и на следующий день выехало из него дальше, а 2 августа

⁷⁰ От Переяславля тамошний воевода должен был дать своих стрельцов; в Нижнем Новгороде их заменяли нижегородскими и т. д.

⁷¹ Понос о в щ и к — специально наблюдающий на носу струга за глубиной реки.

прибыло в Казань. Перегрузка в Казани на другие, более крупные шесть стругов, назначение нового пристава — Федора Тимофеевича⁷² и охраны из 50 стрельцов заняли неделю. 9 августа посольство Мохаммеда Хосейн хан-бека выехало по направлению к Астрахани [7, 535, 536].

* * *

С посольством Мохаммеда Хосейн хан-бека 1 марта 1692 г. прибыли в Москву два шахских купчины: Ага Керим Мурат-хан и Ага Шамси Мирза Юсуфов. С каждым из них прибыло по 24—25 человек сопровождающих.

Со дня их приезда в столицу им оказывалось со стороны Посольского приказа всевозможное содействие по организации торговли, не говоря уже о том, что их приняли и содержали наравне с членами посольства за счет русской казны. Так, 19 марта 1692 г. указом правительства было приказано для продажи товаров этих купчин «отвести им на старом гостином дворе безоброчно⁷³ по две лавки [каждому] купчине каменных, да на посольском дворе построить им [каждому] по пяти лавок лубяных из приказу большие казны», т. е. тоже бесплатно [7, 556, 557; 5, 83об.].

Как уже говорилось, списков на привезенные шахские товары, заверенных шахской печатью, у купчин не оказалось. Несмотря на такое явное, а главное, очередное нарушение ими установленного еще шахом Аббасом I (1587—1629) порядка [1, 70, 71], русское правительство разрешило им беспошлинную торговлю, поверив на слово, что все привезенные ими товары действительно были шахскими. Ага Керим представил два списка товаров. По первому из них числилось привезенными: 45 тай шелка-сырца, 100 ансырей⁷⁴ тебризского шелка, 2 тыс. ансырей шемахинского шелка, 60 изорбафов разных, 1500 дорог⁷⁵, 2 тыс. киндяков⁷⁶ арабских, 4 тыс. кусков других тканей, 100 кусков миткаля, 150 батманов⁷⁷ ладана, 300 батманов чернильного орешка и т. д. Согласно другому списку, у Ага Керима было 47 тай шелка-сырца весом 267 пудов, из которых 147 пудов ардашу⁷⁸ и 120 пудов шелка-сырца высшего качества [7, 557, 558, 578].

У другого купчины, Ага Шамси Мирза Юсуфова, товаров по объему было столько же, как и у первого. У него было 95 тай шелка-сырца и 10 тыс. кож юфти [4, 18].

Материалов о ходе торговых дел Ага Шамси в делах ЦГАДА сохранилось гораздо меньше, чем о делах Ага Керима. Но те и другие свидетельствуют, что Посольскому приказу пришлось уделить много времени, внимания и средств на выполнение просьбы иранского посла, высказанной им 11 мая на «отпуске» о содействии его купчинам в их торговле шахскими товарами. В дополнение к этой просьбе Мохаммед Хосейн хан-бек сообщил Посольскому приказу, что купчинам для продажи шахских товаров потребуется много времени. Он писал, что «оставляет их на Москве... до предбудущего года до весны... и [просил] чтоб им, купчинам, обид и налог⁷⁹ не было...», и что он оставил

⁷² Фамилию пристава разобрать не удалось.— П. Б.

⁷³ Безоброчно — значит, бесплатно и без оплаты рыночных сборов.

⁷⁴ Ансырь — мера веса, равная 128 золотникам, позже — 96 золотникам, т. е. русскому фунту [18, I, 23].

⁷⁵ Дорога, дарага, дарага — полосатая азиатская шелковая ткань [18, I, 707].

⁷⁶ Киндяк — бумажная набойная ткань [18, I, 1208].

⁷⁷ Батман — мера веса, равная 2,969 кг (тебризский батман) [17, 655].

⁷⁸ Ардаш — низший сорт шелка-сырца.

⁷⁹ Налога — обременение, тягость, неудобство [18, II, 296].

с ними своего человека «Мага Казима», т. е. Мохаммеда Казима [7, 421].

Следует подчеркнуть, что русские власти всегда рассматривали иранских купчин как составную часть посольства, считая купчину за второе лицо после посла или посланника. Если же иранский купчина приезжал самостоятельно, как, например, в 1706 г. Шамша Мохаммед Казим-бек [10, 1—195], то его принимали с таким же почетом, предоставляя бесплатно транспорт для переезда людей и перевозки товаров, помещения для людей и товаров, кормовые деньги и т. д. Так и в данном случае оба купчины были размещены вместе с посольством Мохаммеда Хосейн хан-бека в Большом посольском дворе; обслуживали их наравне с посольскими людьми; для товаров были предоставлены лавки и амбары, а после отъезда иранского посла из Москвы купчинам была оставлена охрана из 10 стрельцов. Несмотря на непредставление купчинами списков товаров, засвидетельствованных шахской печатью, как уже говорилось выше, московское правительство не взыскало с них таможенной пошлины. Сомневаться же в том, что все привезенные ими товары были шахскими, было достаточно оснований. Во-первых, странно было то, что с посольством прибыли два купчины с двумя отдельными шахскими грамотами. Во-вторых, оба купчины привезли необычно большое количество товаров — свыше тысячи пудов⁸⁰. Вызывало подозрение и то, что в Саратове из 455 подвод, предоставленных посольству, Мохаммед Хосейн хан-бек взял себе и купчине Хаджи Мурат-хану Аджидатову с его сыном Ага Керим Мурат-ханом 300 подвод, а 155 подвод отдал второму купчине. Напрашивается вывод, что именно первый из них и его сын Ага Керим Мурат-хан с 47 таями шелка-сырца и другими товарами действительно был купчиной шаха, а второй вызывал сомнение. Это подтверждается также и тем, что в дальнейшем торговая деятельность этих двух купчин резко отличалась одна от другой. Ага Шамси ограничился продажей своих товаров в Москве и других городах и довольно быстро распродал их, тогда как Ага Керим, очевидно опасаясь ответственности перед шахским двором за недостаточно выгодный сбыт шахских товаров, искал другие пути реализации их, о которых будет сказано ниже.

Сначала в Москве торговля у обоих купчин шла плохо. То ли конъюнктура московского рынка была неблагоприятной, то ли сказывалась монополия русской казны на некоторые шелковые изделия или неопытность молодых купчин, запрашивавших слишком высокие цены, — сказать трудно. Факт же остается фактом, что к 12 апреля 1692 г., за полтора месяца пребывания в Москве, они продали, по словам шахского посла, товаров на 10 руб. [6, 313].

Тогда Ага Шамси Мирза Юсуфов обратился 1 мая 1692 г. в Посольский приказ с просьбой разрешить ему отправить часть товаров⁸¹ для продажи в Казань с Ага-ханом Шафановым и с двумя его помощниками. Посольский приказ распорядился предоставить им струг с кормщиком и гребцами, а воеводе П. А. Лопухину было указано «отвести [им] двор и лавку и для бережения дать караул, а пошлин... не взять» [7, 541—543]. Другую часть товаров Ага Шамси разрешили отправить с «Садырка Маметев» на Макарьевскую ярмарку, где он не смог ничего продать и часть товаров, в том числе и два тая шелка-сырца, отдал Шафанову для продажи в Казани, а сам с остальными вернулся в Москву [7, 546].

⁸⁰ Если 47 тай весили 267 пудов, то 142 тая (95 плюс 47) должны весить свыше 800 пудов. К этому необходимо добавить вес 10 тыс. кож и остальных товаров [4, 18].

⁸¹ Среди них: 640 киндяков, 15 изорбафов, 20 кисей, 10 пестрядей, 20 выбоек, 150 дарог, 10 ковров и т. д. [7, 543].

Следует учитывать, что такие перевозки иностранных товаров весьма усложняли учет их Посольским приказом, так как взимание пошлин с них производилось по мере продажи товаров иностранными купцами.

Вот почему таможенный голова в Казани обнаружил у Шафанова несоответствие в списке товаров, перечисленных в московской грамоте, с тем, что тот привез в наличии. Поэтому он потребовал внести пошлину за два тая шелка-сырца. Когда же Шафанов отказался это сделать, тогда голова запретил вывоз этих двух тай в другие города [7, 546].

Началась нудная переписка: одна сторона жаловалась в Москву, а другая делала «отписки» на запросы. Пока выяснялось недоразумение, переписка отнимала много времени у работников Посольского приказа.

Иначе поступил Ага Керим. Не получая за свои товары той цены, которая ему казалась минимальной, он решил вывезти свои товары за границу. С этой целью он «бил челом» в Посольский приказ, чтобы ему разрешили «ехать за море с Москвы в немецкую землю в город Амстрадам...». Мотивировал он это тем, что шелк-сырец «на Москве не продаetta и купцов нет, и продать некому...». Ага Керим ходатайствовал об отпуске его «чрез Великий Новгород за свейской рубеж в немецкую землю... [для чего просил дать ему] подводы и провожатых стрельцов, толмача от Москвы до границы» и чтобы «с него... пошлин не брали [за вывоз]» [7, 563, 564, 565].

Заслуживает интереса в связи с этой просьбой справка Посольского приказа. На вопрос о том, «в прошлых годах... отпускались ли... иранские купцы за границу и давались ли им провожатые и взимались ли с них пошлины?», в справке сказано: «того в государском Посольском приказе не сыскано и выписать например не ис чего» [7, 566].

Насколько серьезно подходил Посольский приказ к разрешению данного вопроса, видно из того, что к делу приложены выписки из соответствующих статей Новоторгового устава 1667 г. и из жалованных грамот 1667 и 1673 гг. Алексея Михайловича, выданных Армянской торговой компании по вопросу транзита из Ирана шелка-сырца через Русское государство в Европу [7, 567—574].

Представляет интерес и справка о прибывшем 7 сентября 1674 г. [7, 583] в Москву от шемахинского хана купчине «Мирим-беке Хадживантове». Так как он не представил засвидетельствованного печатю шаха списка товаров на 9792 руб. и в Астрахани с него взяли таможенную пошлину в размере 10%. 18 июня 1678 г. этот купчина «бил челом» в Посольский приказ, что живет в Москве четвертый год и не может продать шахский шелк-сырец. Русское правительство указом за подписью думного дьяка Лариона Иванова разрешило Мирим-беку вывезти шелк-сырец за границу через Архангельск с оплатой пошлины по Новоторговому уставу в размере, взимаемом с армян Армянской торговой компании [7, 579—581]. Однако по возвращении из-за границы Мирим-бек 29 апреля 1681 г. добился указа царя о возврате ему взысканной с него пошлины в Архангельске в размере 1456 руб. 20 алтын и 7 денег «соболями из Сибирского приказу», а 979 руб. 8 алтын и 5 денег должны были ему возвратить в Астрахани. Вмешавшийся в это дело новый думный дьяк, Е. И. Украинцев, доказал неправильность решения вопроса Ларионом Ивановым, так как Мирим-бек не представил засвидетельствованной шахской печатю росписи товаров. К тому же, писал в своем заключении Украинцев, шемахинские ханы никогда не имели шахских товаров и торговали с Астраханью как частные

купцы, уплачивая обычные пошлины⁸². Поэтому, сказано в справке, «тех взятых пошлин отдавать ему [Мирим-беку] не велено» [7, 583, 584].

В результате этого 11 июля 1692 г. было разрешено «отпустить Агу Керима» на ярмарку и «в Архангельск за море» с шелком-сырцом, для чего дать ему толмача, провожатых-стрельцов и оплатить ямские расходы, произведя все расчеты с ним по таможенным и провозным пошлинам в соответствии с договором с армянами [7, 584]. На этом основании, согласно донесению Андрея Матвеева и П. Деревнина, Ага Керим был «отпущен с Москвы к Архангельску городу и за море в немецкие государства... с шаховым товаром с шолком сырцом, а в приставах с ним и для толмачества послан до архангельского города... толмач Данило Леншин» с предписанием архангельским властям отправить иранского купчину без задержки [7, 537].

Ага Керим прибыл в Архангельск 17 сентября 1692 г., откуда его отправили «на галанском корабле... октября в первом числе 1692 г.» [7, 537, 538].

О дальнейших действиях Ага Керима мы узнаем из ответной грамоты русского правительства к шаху Сулейману от 31 мая 1694 г. [9, 4—12]. В ней сообщалось, что Ага Керим, «быв в немецких землях, продав... товары и покупя про ваш обиход немецкие товары, возвратился... в... наш град Москву с провожатыми и на подводах допроважен в целости, и исторговался на Москве, похотел ехать... к вашему шахову величеству, и мы... пожаловав ево, купчину нашим... жалованьем, повелели ево... отпустить к вашему шахову величеству в целости и в бережении, незадержав» [9, 10, 11].

Особого внимания заслуживает в этой грамоте фраза о том, что московское правительство предоставило Ага Кериму транзит шахского шелка-сырца в Европу через Русское государство в порядке исключения и что сделано это было «для братцкой... исконной особой дружбы и любви, хотя прежние ваши... купчины с товары вашими чрез российские наши государства в немецкие земли за моря не езживали и челобитья их о том напредь сего не бывало, а покупали всегда немецкие товары про ваш обиход в государствах наших». В грамоте было подчеркнуто, что Ага Кериму не только разрешили проезд за море, но и «пропустить указали с провожатыми, на подводах» и отправили его «со всякою честию и бережением», т. е. фактически за счет русской казны [9, 9, 10].

9 июня 1694 г. Ага Кериму с его двадцатью слугами была дана на обратный проезд от Москвы в Иран «Проезжая грамота» [9, 13—17] по обычному водному пути, по городам, перечисленным выше, начиная с Коломны «и до Астрахани бояром нашим и воеводам и всяким приказным людям...», чтобы они оказывали необходимое содействие иранскому купчину Ага Кериму который везет с собой товаров 150 тай и 50 сундуков, а также 50 мешков харча и тулугов. Согласно этой же грамоте и в порядке исключения, Ага Кериму разрешили купить по дороге пять ловчих птиц (ястребов и соколов) и 200 ведер горелого вина [9, 13, 14].

Несмотря на то что Ага Керим выехал из Москвы в июне месяце, в «Проезжей грамоте» предусматривалась возможность зимовки его в одном из понизовых городов — «Симбирске или на Самаре или на Саратове или на Царицыне». В этом случае воеводе того города пред-

⁸² В этом Украинцев неправ. Для задабривания шемахинских ханов русские власти в Астрахани разрешали им беспошлинный ввоз своих товаров. Даже дагестанские «Шамхалы добились освобождения от пошлины товаров на 600 руб. ежегодно» [13, 288].

писывалось «давать в том городе, где он остановитца, под шаховы то-вары анбары и приставить караул, чтоб ему никакова убытку не учинилось, а ему купчине, с людьми [дать] постоянные двory покамест он побудет, а как придет время и похочет ехать он в Астрахань и ево потому ж отпустить без задержания и остановки и кормщиков и гребцов и готовые струги давать по подорожной и провожатых стрельцов посылать» [9, 15].

Отдельные указания были даны в «Проезжей грамоте» казанскому и астраханскому воеводам. Первому из них, Даниле Григорьевичу Черкасскому, велено было отпустить для посольства «новые два струга, такие какие по Волге к безопасному ходу годятца, один с чердаком⁸³, а другой покрыт лубьем, со всеми припасы⁸⁴, также и кормщиков и гребцов» и т. д. [9, 16]. Астраханскому же воеводе Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину предписывалось отпустить купчину из Астрахани «против прежних таких же отпусков...», но предупреждалось, чтобы «русских людей и иных никаких иностранцов... отпускать с ним не велеть...» [9, 16, 17].

Помимо указанной грамоты указом от 16 июня 1694 г. было предписано «казанских стрельцов сотнику Степану Жидовинову ехать ему... с купчиною Агою Керимом Муратхановым в приставех до Казани и до Астрахани...». Здесь же ему давались подробные инструкции «беречь накрепко, чтоб над купчиною в дороге и на станех от воров никакова дурна не учинилось...» [9, 20, 21]. Особо указывалось следить за тем, чтобы купчина не вывез с собой «лишних людей, русских и иноземцов татарченков и девок и жонок татарок не было», а если они окажутся, то пристав должен этих «лишних людей у него купчины взять и отослать к воеводам» [9, 22].

Однако на этом история купчины Ага Керима не закончилась. Уезжая из Москвы, он просил Посольский приказ разрешить ему оставить своего человека — Карбалаи Ибрагимова в Москве на год, чтобы продать «остаточный товар» на сумму 1000 руб., среди которого было 200 ансырей шелка, 250 киндяков и т. д., а после того отпустить его в Иран и «дать ему проезжую грамоту и струг и провожатых» [9, 40, 41].

И эта просьба купчины была удовлетворена. По распоряжению дьяка Василия Бобынина «велено тому ево купчинину человеку... остатца на Москве и продавать... те товары в той же лавке на старом гостинном дворе... и стоять ему на посольском дворе» [9, 41, 42].

Через год, когда Мохаммед Бугитка Хаджи Ибрагимов Кербалаи 14 мая 1695 г. сообщил, что распродал все шахские товары, и просил отпустить его с купленными товарами, среди которых были «очки зрительные... готовальна со всем... [набором], алебарды... маетник... бритвы немецкия... персни мужские, женские — медные... пуху гуסיнова семь пуда...» и т. д. [9, 44—47], 18 мая по распоряжению Украинцева его велено было отпустить из Москвы в Иран, дав ему стружок со всем необходимым оборудованием и обслуживанием за счет приказа большой казны. Однако кормщика и гребцов на стружок велено было бесплатно дать лишь до Казани, «а от Казани до Астрахани кормщика и гребцов ему не давать». До Казани же был дан ему и пристав-толмач [9, 49].

По-видимому, Посольский приказ считал, что приказчик купчины не имеет права пользоваться привилегиями самого купчины, и поэтому ограничил их, хотя только с Казани, полагая, что оттуда Хаджи Ибрагимов не станет добиваться дальнейшего бесплатного проезда.

⁸³ Чердак на струге — это надпалубные надстройки в виде кают.

⁸⁴ Под припасами для струга подразумевались: якоря, паруса, канаты и другие снасти.

Таким образом, с иранским посольством Мохаммеда Хосейн хан-бека, с купчинами, прибывшими с ним, и приказчиком одного из купчин Русскому государству окончательно удалось распрощаться лишь к концу 1695 г., т. е. через пять лет после прибытия посольства в Россию.

Все действия русских властей в течение пяти лет по приему и обслуживанию посольства и шахских купчин показывают, что московское правительство придерживалось весьма благожелательной позиции в отношении Ирана и его представителей. Русские власти почти безотказно выполняли все просьбы посла, за исключением только такой, как освобождение от новых налогов и сборов, введенных правительством.

Русские власти обеспечили полностью коммерческие операции шахских купчин, несмотря на невыгодность их для русской стороны, так как они не были для них взаимными. К тому же не было уверенности, что значительная часть товаров этих купчин не была частной.

Следует учитывать и то, что помощь в проведении коммерческих операций купчинами, начиная от перевозки товаров от Астрахани до Москвы и от Москвы до Архангельска и кончая содержанием самих купчин и их многочисленной (до 50 человек) челяди в течение от двух до пяти лет, стоила огромных денег московскому правительству.

* * *

«Великое посольство» Мохаммеда Хосейн хан-бека прибыло в Москву с официальной целью — поздравлением русских царей Иоанна и Петра с восшествием на трон. Вторая цель — оказать содействие прибывшим с посольством двум шахским купчинам в их коммерческих операциях для шахского двора, из которых лишь один действительно привез шахские товары. Посольство и купчины были приняты в Астрахани и в Москве с присущими Русскому государству гостеприимством, щедростью и почетом.

Самое примечательное в посольстве Мохаммеда Хосейн хан-бека заключалось в привезенной им грамоте от шаха Сулеймана с отказом выступить против Турции на стороне России и западноевропейских держав. Этим отказом была подведена черта под русско-иранскими переговорами, начатыми в 1586—1587 гг. шахом Мохаммедом Ходабендэ, о заключении военного союза Ирана с Россией против Турции.

В переговорах Мохаммеда Хосейн хан-бека в Москве 31 марта и 2 апреля 1692 г. не обсуждались ни вопрос о военном антитурецком союзе, ни отказ от него иранской стороны. Более того, на них вообще не обсуждались политические вопросы, если не считать вопроса о совместной борьбе против казаков, совершавших нападения на купеческие суда на Каспийском море между Терками и Дербентом.

Обсуждались на этих переговорах главным образом торговые вопросы: о торговой деятельности иранских купцов и их взаимоотношениях с русскими властями. Из 12 пунктов с претензиями, предъявленными иранским послом, четыре были признаны русской стороной беспредметными, так как касались повышения пошлин и сборов или установления новых налогов Русским государством. Остальные претензии иранского посла были мелкими и сводились к жалобам на обиды и притеснения местными русскими властями иранских торговых людей, торговавших в Русском государстве. Жалобы в большинстве своем были обоснованными.

Однако одна претензия заслуживает внимания — это жалоба на запрещение русскими властями строить в России морские суда по заказам иранских купцов. В этом сказывалась тенденция русского прави-

тельства к установлению монополии на судоходство в Каспийском море.

В остальном центральное русское правительство весьма благожелательно рассматривало жалобы иранского посла и принимало меры к удовлетворению потерпевших и к наказанию виновных. Однако средневековый характер вотчинного самоуправства и произвола на местах еще был силен в конце XVII в. Местные власти не всегда находились под действенным контролем московского правительства, и ему не всегда удавалось доискаться до истины и восстановить справедливость. Образцом такого произвола было нарушение посольской экстерриториальности в Астрахани и избивание людей иранского посольства стрельцами начальниками Иваном Нечаевым и Матвеем Ивановым.

Заслуживает быть отмеченной лояльность и доброжелательность русских властей по обеспечению коммерческих операций иранских купцов и купчин с шахскими товарами на территории Русского государства, несмотря на то что эта помощь оказывалась односторонне и была сопряжена с большими расходами русской казны на протяжении почти пяти лет пребывания шахских купчин или их людей в России.

ИСТОЧНИКИ * И ЛИТЕРАТУРА

1. 1624—1625 гг., оп. I, ед. хр. 1, л. 1—571.
2. 1690—1692 гг., оп. I, ед. хр. 1, л. 1—255.
3. 1690—1692 гг., оп. I, ед. хр. 2, л. 1—16.
4. 1691 г., оп. I, ед. хр. 1, л. 1—297.
5. 1691—1692 гг., оп. I, кн. 23, л. 1—134.
6. 1692 г., оп. I, ед. хр. 1, часть 1-я, л. 1—339.
7. 1692 г., оп. I, ед. хр. 1, часть 2-я, л. 340—610.
8. 1692 г., оп. I, ед. хр. 2, 1—146.
9. 1694 г., оп. I, ед. хр. 1, 1—67.
10. 1706 г., оп. I, ед. хр. 2, 1—195.
11. Всемирная история в десяти томах, т. V, М., 1958, стр. 1—783.
12. Зевакин Е. С. Азербайджан в начале XVIII в.— Издание Общества обследования и изучения Азербайджана, № 3, вып. 4, Баку, 1929.
13. История Дагестана, т. I, М., 1967.
14. История дипломатии, т. I, М., 1959.
15. История СССР, т. I, М., 1956.
16. Словарь современного русского литературного языка (в 17 томах), т. 11, М.—Л., 1961.
17. Современный Иран. Справочник, М., 1957.
18. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным источникам (в трех томах): т. I, М., 1893; т. II, М., 1895; т. III, М., 1903.

---

* Архивные материалы Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), ф. 77, Сношения с Персией.